

А. Тумбасов

Осенний хоровод

Книжка моя о природе

В ней все подсмотрено и зарисовано, как говорят художники, на натуре — в поле, в лесу, возле речки... Весной, летом, зимой, осенью — природа всегда интересна.

Книжка для детей и для взрослых. Детям дозволяется раскрашивать иные рисунки. Думаю, это будет полезное общение с книгой.

Автор.

**За содействие и помощь в издании книги благодарю
Государственный комитет по охране окружающей среды
Пермской области**

ББК 84(2Рос=Рус)6-4+85.103(2)6

Книга издана при содействии и финансовой поддержке Государственного комитета по охране окружающей среды Пермской области и областного экологического фонда.

ISBN 5-88187-059-X

А. Тумбасов

ОСЕННИЙ ХОРОВОД

1999

Зеркальце - рочницок

СЕЛЬСКОЕ утро начинается ранним-рано. На конек сеновала, где я сплю, усаживается сорока и устраивает перепалку с подружками: «Тра-та-та!» А в раскрытую дверцу мне видно ворону в ветвях липы: она привстала, потянула сначала одно крыло, потом другое — отряхнулась, сгоняя сон. Воробей подал голос, выпорхнул из-под карниза и полетел, вихляя, над огородами. Пора вставать и мне.

Я сбежал умыться к речке, под берегом заметил синюю стрекозу на камышинке. Она сидела неподвижно, потом вздрогнула чуть и приободрилась, собираясь охотиться на мух или на комаров, еще не сдавших ночную смену паутам и слепням. День обещал быть жарким.

В тени у опушки леса поблескивал зеркальцем родничок. Пауцишка, спускаясь к нему, принял свое отражение за соперника — кинулся на него и, словно обжегшись, окунув лапки, взбежал по паутинке вверх. Подобрался к роднику муравей и остановился, озадаченный...

Вторая друг дружке: «Пи-пи-цы-цы», — опустились синички. Тут как тут выбежала из кустов трясогузка, весело покачивая хвостиком, и смело ступила в зеркальце-родничок. Объявилась сорока и — скоком-перескоком с ветки на сучок — застрекотала в мою сторону: «Человека вижу — прогнать хочу!»

А я не ухожу, не подчиняюсь — да и все тут. Поразорялась сорока и улетела. Над родником недвижно повисла стрекоза-коромысло. Из густой кроны, пересчитывая этажи-ветви, скатилась сосновая шишка, — ее обронил дятел, громко возмущаясь: «Кик-кик-кик».

Многих привлек родник, и я (хотел или не хотел) отдал поклон роднику — напился.

В глубине чащи, куда сорока понесла весть: «Человека вижу...», — птицы и зверюшки, понимая ее стрекотанье как сигнал тревоги, старались получше укрыться.

Грибы тоже укрылись, и не сразу найдешь их. Прячутся грибочки под листочки, во мшистые кочки, за пеньки и пенечки: ко всему присмотришь — ищи, не ленись.

Понапрасну лесную подстилку не вороши, мхи не переворачивай — созревшие грибы сами выказывают себя. Не утаятся ни под листвой, ни в траве, ни во мху. Бережно ступаю по мхам-коврам — как бы не сборомощить, а упавшие иголки и шишки, сломанные ветки хочется прибрать — навести чистоту.

Мухомор узнается издали, стоит в чащобе, красуется. А может быть, дразнится: «До чего я хорош, почему не берешь?!» Настоящему грибнику все по сердцу: нашел поганый гриб — не сердится на него, нашел неизвестный — знакомится, разглядел, распознал съедобный — вот тебе и радость!

Только не спеши, не срывай небрежно: молоденький грибочек сре-зай под корешок, перестоялый — под шляпку. Да вокруг посмотри, листву

Срезанные грибы не живые

повороши, под елку загляни — грибы прячутся там от холода и туда же бегут от жары.

Подберезовики почти всегда парой — старый да малый. Во мху — моховички, в осинниках — подосиновики, в ельниках — рыжики... Сыроежки я тоже не бракую: «Пусть неказистая синявочка, а все грибнику прибавочка».

А самый знатный, красой богатый, — гриб-боровик. Перед таким я встаю на колени: «Батюшка ты мой!»

Первый крестник дождя — гриб-дождевик, прозываемый порховкой. Рядом неизвестный тянется из травы: «Ну чем же я не гриб?» Как же, зонтик пестрый, съедобному брат — можно брать!

А вот опять красавец мухомор. О нем и загадка: «Сквозь землю прошел, красну шапочку нашел». Над красной шапочкой толкутся мошки и мухи. Что же их привлекает? Красота? Или ядовитая сладость? Хотя мухоморы и ядовитые грибы, а все же на службе у природы: птицам и зверью на лечение годны. Да и человеку добрую службу сослужить могут, и примета есть: пошли мухоморы — ищи белые. Значит, мухоморы не пасынки, а сыны леса!

Что ни говори, а самый-самый ядовитый гриб — бледная поганка. У нее юбочка белая на ножке под шляпкой.

Чего только не приключается с грибами! Словно они играют в прятки с нами: то выходят как бы навстречу сами и даются в руки, то силой своей раздвигают гнилушки... Как-то хрупенькая синявка выворотила корень какого-то растения — и все росла-росла, стараясь порвать его, но так и не смогла. Силой хвалилась, да развалилась.

Иному грибу просто подивисься — ну и ну! — срежешь — и в корзину. Другой хочется сначала зарисовать, например вот этого крепыша, у которого коричневая шляпка-берет с листочком, прилепившимся сбоку. Увлёкся я — чудо грибочек был! — нарисовал его, а срезать позабыл. Отошел немного, спохватился, тут же воротился, да гриба уже нет: пропал куда-то. «Сбежа-а-л...» — посмеялся я. Пропал не пропал, а в корзину к кому-то попал!

Живой зрѣб

Приподняв гриб листву и в рост.
Да надо бы листву сбросить - гриб
покрасоваться любит, а как?

Надо бы улюськаться - гриб тактому
любит, а как?

Прут. пошел дождик, гриб улы-
ся, осветился. И первый грибник
ему поклонился!

В лесу «Ау-ау-у!» — грибники
аукаются.

А я рисую грибы: большого и
малого — позируют хорошо.

И слышу, как большой говорит
малому: «Ты на солнышко не вы-
лезай, но и в тени не скрывайся».

Вот и растет сын-грибочек под
шияткой мамы-гриба чуть-чуть в
тени и немножко на солнышке.

Послушной!

Перед белым грибом я встāju на колени — срезаю, приговаривая:

„Батюшка ты мой!“

Ядреный! На крепкой белой ножке муравей. Я благодарю его: гриб охранял. А он драмать хочет.

„Ну, коли так, поди, драгун, послуши другому грибу!“ — друка я на него, и затерялся муравей в траве.

Невольно заглянешь к себе в корзину — половина. Зато другая половина — в альбоме. И от этого радостно вдвойне: и пособирали грибы, и порисовал!

Бывает, только приготовишься гриб срезать, а на тебя заругается сверху белка: дескать, не тронь, мой гриб! Все-таки я срезаю его и цепляю на сучок: «Возьми, я не жадный». Так у меня и повелось: грибы сомнительные, перестоялые, незнакомые — на сучок, белкам про запас оставляю.

Как щедро кланяемся мы земле, природе! Сколько в корзине грибов, столько и поклонов. Э-э, нет, поклонов больше. Хорошему грибу — поклон; червивому — поклон, иначе его не распознаешь; поганке — поклон, если не отличишь ее от съедобного; листочку какому-нибудь — поклон, коль обманешься и примешь за шляпку гриба... Земляничке и костяничке — частые и низкие поклоны.

Благодатно осыпать в ладонь зрелые ягоды с кисточек брусники. Вместе с ними попадают сухие листочки брусничника. Они сизые, как перышки. Будто бы это и есть перышки неведомой птицы: где она роняет их, там и рождаются ягоды.

Прекрасное и опасное в природе рядом. Но, оказывается, и со змеями можно жить в мире. «Не трогай меня — не трону тебя», — это инстинктивное поведение змей. Однажды, увидев змею, я остановился и, перебарывая чувство страха, стал наблюдать за ней, как она старалась скрыться. «Ползи, ползи», — шептал я, испытывая радость от того, что разминулись по-доброму, а про себя думал: «Собирай ягоды, ищи грибы — бери свое и уходи с миром. А змеи, ящерики, ежи разберутся сами, как им сосуществовать».

Человек, твори добро! Ведь в природе все взаимосвязано, одно зависит от другого, и нельзя допустить, чтобы какое-то звено утратилось, выпало. Чтобы какой-то вид зверька, птицы, растения остался бы только в нашей памяти или на печальных страницах «Красной книги».

У природы свои законы: на месте старого леса вырастает молодой, пряча под свой зеленый полог трухлявые пеньки тех деревьев, от семян которых разросся светлый бор. Молодые сосны теперь тоже роняют

семена, несколько упало на пенек — и на пеньке выросли две сосеночки. Они уже будут внуками старых сосен. В народе про внуков говорят: «На плечах деда или бабушки растут». Так и эти сосенки-малолетки.

Обедать я расположился на опушке, на солнышке, на ветерке с лугов. Тут как тут прилетела оса, кружит и прицеливается: чем бы полакомиться? Сыр — не то, хлеб — не то, стала подступаться к яблоку. Быстро ощупывая его усиками, нашла трещинку и припала к ней. Полосатое брюшко пульсирует, вдоль него крылышки узенькие, как две оглобельки. Я не гоню — ведь трудно сказать, кто у кого в гостях. Правда, иногда оса бывает назойлива, однако, если не отмахиваться и не сердить ее, можно пообедать вместе.

Муравей приполз, ему тоже почет. Выбрал он хлебную крошку и понес. Скоро набралось их к моему «столу» уйма. С ними в компании все-

Оса в прятки

*Пенек
развалил*

В пеленках

Укрылся

Маму потерял

таки лучше, чем с надоедливými комарами да мухами. И наблюдать за муравьями интересно: вон силища какая! Ношу тянут больше себя, и трудятся с утра до ночи, и всегда готовы защищаться: встанут на дыбы, вскинут передние лапки, — дескать, попробуй тронь!

Не наступи, перешагни через муравьиную дорожку — видишь, они тоже, как мы, спешат куда-то...

Из леса домой я принес с грибами паучка. Взял его на ладонь, отворил окно и стряхнул в палисадник. Но паучок повис на паутинке и подтянулся обратно. «Ах ты», — думаю, и снова стряхнул, а он опять подтянулся: тоненькая паутинка — надежная страховка!

А оса, с которой, должно быть, обедал на опушке, прилетела за мной и стала везде соваться. Не успел я

Сколько найдешь грибов,
столько и поклонов отвесишь:

хорошему —
поклон!

гервилову —

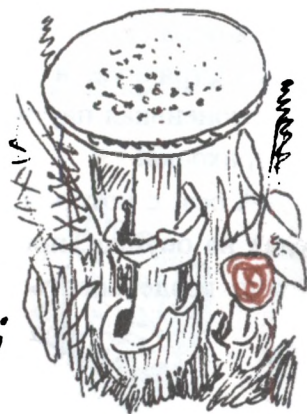
поклон, иначе его
не распознаешь;

поганке —

поклон, если не отличишь
от съедобного;

листожку —

поклон, коль обманешься...

плеснуть воды в умывальник, чтобы освежиться, оса тут как тут — ловит капельку. Другой капелькой ее сбило. Но оса не отступает и все ловится поймать капельку из крана. Да еще и сердится, когда ее гонишь: я, мол, капель сыта, а ты всю воду издержишь.

Загородный домишко — весь внимание к тишине. Сторожат его молодые елочки, вскинув штычки-мутовки под окном. Каждый штычок — лету вершок, так растут елки, а ветви-боковинки образуют этажи.

Под елкой, напротив окошка, вырос мухомор. В проливной дождик колючая лапа намокла, опустилась ниже и закрыла его. Зато открылся не видный доселе съедобный гриб. За ним-то уж и в ненастье выскочишь, под елку нырнешь, двойной дождь на себя опрокинешь: радость так радость — под окошком гриб!

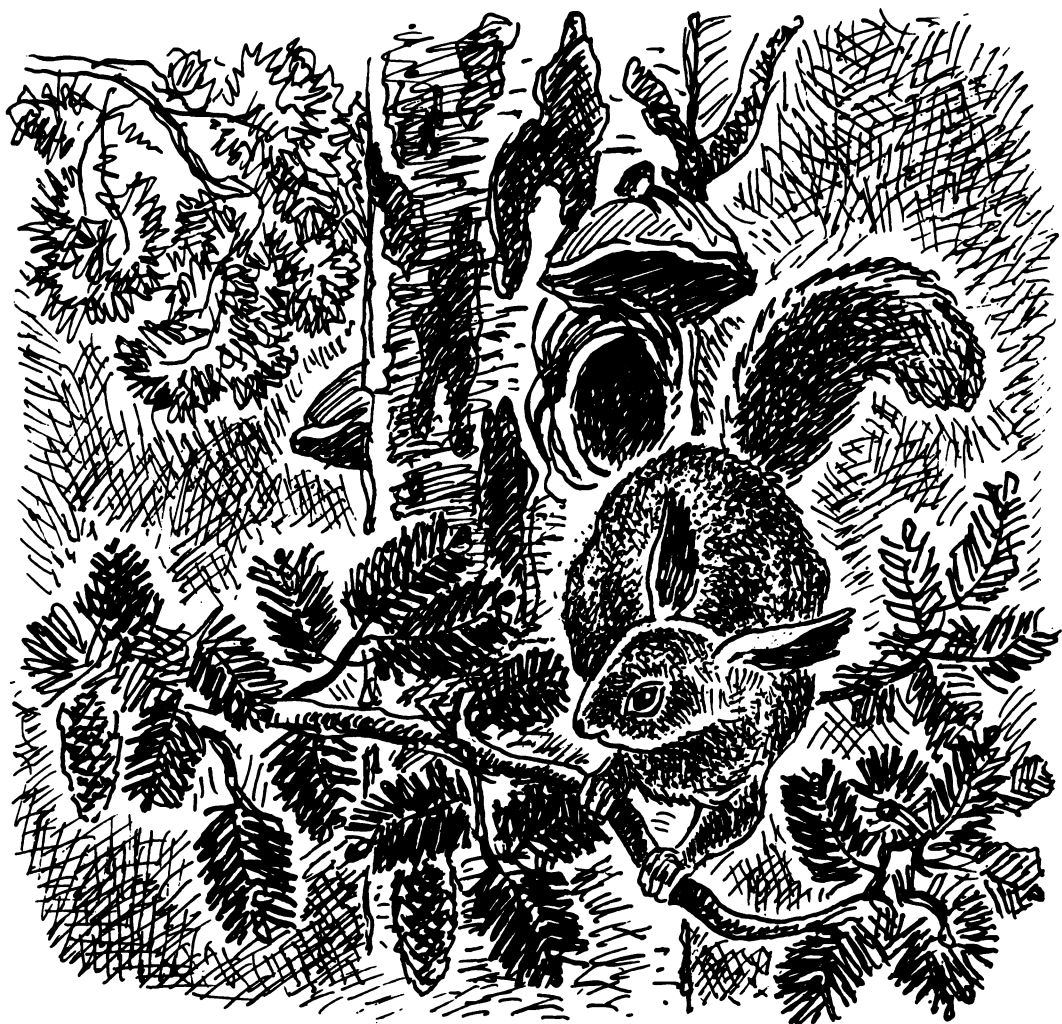
* * *

В небе растут и кучатся медлительные облака, расстилая широкую тень, тогда гул самолета примешь за громовые раскаты. Но молодость лета прошла, грозовые тучи уже поумерились, и напористые ливни больше не убажают землю.

Большинство летних трав перешло в семена. Иван-чай дружно отцвел, завиваясь в розовые кудряшки, а созревший будяк раскуделился и пускает семена, засоряя хлебные нивы. Лишь по омежьям еще доцветает чертополох, привлекая на малиновые соцветия «сезонных рабочих» — шмелей. Я решил поймать ослабевшего трудягу в золотисто-рыжей шубке с черным пояском на брюшке. Он легко поддался, но, отсидевшись в коробке, начал скрестись и нет-нет да жалостливо басить: «Отпусти, отпусти-и!»

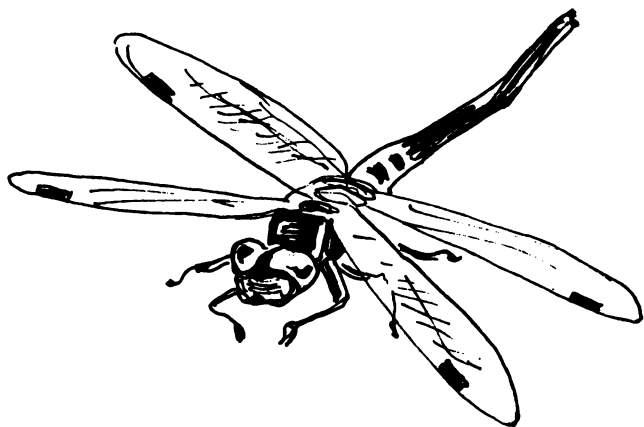
Делать нечего — лети! Окно было раскрыто, и шмеля буквально затягивало в сияющий солнечным светом мир. Я с легкостью проводил его. Пусть, думаю, природа будет судьей: останется ли он зимовать, или, отслужив лету, сгинет, как все рабочие шмели.

Щебечущие ласточки-касатки сидели на проводах, будто телеграфировали в теплые края о своем скором отбытии. И действительно, у

городских ласточек состоялся сговор к отлету. Одни гирляндами облепили антенны, иные под общий шум и гам летали по кругу и, усаживаясь, вытесняли других: а ну-ка, дескать, покажи, какова ты на крылах. Мало-помалу расселись и утомились все. Бывает, и мы, собравшись в дальнюю дорогу, присядем и помолчим.

С полей наносит хлебом — комбайны молотят урожай, громяхая враз косилками, молотилками, веялками, и пылит раскрошенный колос. Жаворонки, с весны пропавшие с глаз, перепархивают молча над землей.

Иногда промелькнет стремительный ястребок: «Кви-квик!» — посмеется словно бы над малыми птицами, врассыпную упавшими в стерню. Вскоре они снова, посвистывая и маня друг дружку, кочуют стайками.

От земли исходит тепло. Благодать бывает прийти с этюдником, устроиться поудобнее и писать поля над Чусовой. Раздвинутые и потесненные мной пижмы и чертополохи заглядывают и тычутся в палитру, приходится «унимать» их, дабы не осыпали семена в краску.

Сухая речка, берущая начало из лога, широко и полноводно сливается с Чусовой. Я заплыл в лодке туда, где стесненная ельниками речка затаилась в тихом заветрии, где водомерки мелькают в зарослях стрелолиста, где искусно планируют стрекозы. Одна оказалась в воде, повергнутая навзничь. Ее тут же окружили мальки, будто притянутые магнитом, и стали теревить за крылья, утягивая вниз. Стрекоза-коромысло трепыхалась, стараясь удержаться на плаву. И, наверное, взывала о спасении, но помочь было некому, кроме меня. Я подал ей весло. Стрекозу несколько раз смывало, пока она не ухватилась крепко. Да так, что я едва отцепил ее от весла.

Обсыхая на солнышке, стрекоза дрожала, как в испуге, вяло потирая лапками зелено-голубые глазищи. Не успел я раскрыть альбом, чтобы зарисовать редкий экземпляр, как стрекоза взлетела, пергаментно шурша крыльшками. И, сверкая на солнышке, начала кружить, ввинчиваясь ввысь. «Что ж, спасенному рай!»

Темные ночи теснее придвигаются к окнам, и невиданные днем бабочки, летящие на свет, бьются о стекла. А по утрам в нахолодавшем домике слышно, как на оконном наличнике стучит клювом птичка. Ранняя пташка уже носик прочищает, а поздняя лишь глазки продирает... Чтобы не быть поздней, вскакиваю и распахиваю форточку. В нее бесцеремонно вваливается еловая лапа. Я легонько пожимаю ее: «Доброе утро!»

Лапа вознаграждает колюче-хвойной свежестью и кропит росой. Случается, в иголках сидит паучок, я дышу на него: «Пошел, пошел...» Это ему не нравится, и грозный страж мух пятится назад. Однажды свалился муравей и начал бегать кругами по бумагам на столе... И было слышно, как он «топотал» лапками. В другое утро, опережая еловую лапу, в форточку влетел оранжевый лист и вцепился в лицо — вот тебе! Тут уж я распахнул окно: «Пожалуйста! Милости просим...»

Коли идет осень — впускайте ее в дом, она с ягодами, с грибами, с урожаем!

На тропинках осенние листочки, а молодая елочка уже вдела

в густую хвою золотую сережку-листик, и в березах кое-где вкраплены желтые прядки — это грустинки осени. Однако пора живописного буйства красок пока еще не настала.

ПТИЦЫ собираются в стаи. Грачи, галки, вороны держатся вместе. Приходит день и час, когда они с шумом поднимаются в бездонную высь. Смотришь на кружащих в небе птиц и удивляешься, как они не сшибаются друг с другом в черном зертящемся колесе. А оттуда несется оркающий и дребезжащий гвалт.

Грачи и вороны басят: «Ка-а, кра-а-а!» Галки дробно подголосничают: «Кай, кэ-эй, кай!»

Видел однажды, как спешили грачи стаяй в поле, а следом изо всех сил махал крыльями отставший. «Кр-кр-кр», — что-то бормотал он. Спешил, спешил да как заорет: «Крыа-а! Кры-ы...» — «Куда-а! Братцы-ы...»

В погожие дни начинается лет паутины — переселение или расселе-

Тихая вода

ние паучков. Они заползают на былинки, чтобы соткать свои парашюты. И, улавливая каким-то природным чувством попутный ветер, паучок-воздухоплаватель пускается в полет.

А оседлые пауки в лесу ткут свои ловчие сети — это знак хорошей погоды. Сколько же, бывает, мы нечаянно рвем их, пробираясь сквозь чащу! Разве только листочек, запутавшийся в паутине, предупредительно сигналил: «Внимание, ловчая сеть!» Тогда обойдешь ее и тем самым избежешь гнездо паука.

Я пробрался в глухой уголок леса, раскрыл этюдник и начал работать — писать красками. И до того увлекся и затих, будто слился с природой, вошел в доверие к лесу, что разные звуки, шорохи, голоса вокруг стали слышнее.

Первой обнаружила себя мышка: неожиданно выбежала из-под папоротника и опешила. Ни назад, ни вперед — затаилась. И от ее тихого сторожкого одиночества комары зазвенели как-то пронзительнее и назойливее.

Мышку спугнула тень птицы — это на вершинный палец старой ели взгромоздилась ворона. Выпятив серую грудку, она горделиво осматривалась, поводя хищным клювом, и не замечала меня: я действительно будто слился с лесом. Потом, словно устыдившись, что проворонила, оттолкнулась от ветви, взлетела, раздосадованно каркая. В ответ пронзительно закричала сойка — шумливая птица, из-за чего и недолюбливают ее охотники.

Разнеслось далекое, настойчивое: «Ау-у!» — грибники боялись растеряться, и покатилося эхо: «Ню-ю-у-ра-а!»

Возле меня объявилась, доверившись тишине, малая синичка, этакий сторожкий пухлячок. Она села на нижнюю ветку ели и почистила лапкой клювик, затем стала охорашиваться, то и дело вздрагивая. Я не шевелился, однако пичужку что-то настораживало. Кочующие собратья-пухлячки приблизились к этюднику и, не разобравшись — кормушка не кормушка, подались дальше.

У старого дупла маячила серенькая мухоловка. Изучая меня, она пугливо спрашивала: «Ты кто — чей-чей?» Всяк беспокоится за свой дом!

Муравейник строится

Под ногами прошмыгнул зверек и метнулся на елку — это белка. Дерзко глянув раскосым глазом, она замелькала в ветвях. Тотчас встревожилась и пинькнула большая синица. Вот где укрылась, голубушка! Не нанялась ли сторожить осень? Правда, об осенней поре они еще напомнят нам однажды утром — «цвинь!» — под окошком. Потому, услышав синицу в чаще, хочется пожелать ей дольше оставаться в лесу и не торопиться к нам с этим известием.

Долго я писал уголок леса с муравейником, устроенным на солнышке. Рыжие муравьи трудились так, что муравейник будто кипел: к осени хлопот прибавляется. Да еще, случаем, разворошит кто-нибудь макушку, тогда, как бы ни спешили хозяева, ненастье может застать врасплох. Гнездо промокнет и загниет изнутри, под угрозой окажется целый муравьиный город со всеми его жителями. Тут тебе муравьи строители, рабочие, солдаты, садоводы, заготовители, няньки, сторожа, санитары, даже предсказатели погоды... Все они могут погибнуть.

Я всегда, как только вижу, что муравьиный дом в опасности, берусь помогать его обитателям. Подсыпаю на макушку муравейника сухой хвои,

поправляю и завершаю, как стожок сена, чтобы дождик скатывался. Муравьи начинают нападать, защищаться, не понимая доброго участия. Однажды, как только я поправил пирамидку, ветер тут же хлопнул мне на грудь золотой осенний лист — в награду!

Нередко слышно в лесу, как работают неустойчивые труженики — шишкар-дятлы. Под липой целая куча еловых шишек — значит на дереве дятлова кузница. В ней, как всегда, шишка оставлена. Принесет дятел свежую, прижмет ее грудкой к стволу, старую выгацирует клювом и сбросит вниз, а новую вставит в расщелину-кузницу. И пошла работа — семена высеивать. Так увлечен и занят бывает дятел, что даже на нас взглянуть некогда: хорошая цель для фотообъектива и для художника — не более.

Добыл семена, летит за новой шишкой, а в кузнице остается обработанная. Может быть, это знак какой? Например, что кузница занята. Другому дятлу, малому, шишку не выгацировать. Значит, шишка в кузнице — замок: не выгацил — не открыл.

Кузница дятла

Да ка-а-к
тукнет, тукнет!
Закорюши-
древоточцы
скрипеть
перестали —
прятаться
побежали.

Черный дятел — гроза вредителей леса

В лесу слышны посвисты кочующих птиц, и чудится мне, будто сапоги скрипят. Оглянулся... Никого! А сапоги скрипят. Снова посмотрел вокруг... Нет никого в лесу. Лишь сухой листочек беззвучным маятником качается перед глазами на паутинке. Тишина-а. И опять: скрип, скрип, скрип...

Обошел вокруг старой сосны — никого. Мелькнула птица: «Кви-квик!» — это черный дятел-желна. Уцепился за ствол, как прилип к нему, и вертит головой — слушает. Прислушался, да ка-а-к тукнет! Перестало скрипеть. Я догадался: короеды и древоточцы сосну подтачивали. А нам чего только не пригрезится в лесу... Черный дятел знай долбит клювом-долотом, кору сбивает, жуков-вредителей леса выгоняет. «Сбросили» они хромовые сапоги и побежали кто куда.

Над пеньком или кочкой выются столбиком комаришки-толкунцы. Спутнешь их, они снова возвращаются, как привязанные к одному месту. Вверх-вниз, вверх-вниз... Люди примечают: «Толкунцы мак толкут — к теплу». Но у комаришек наверняка осенние свадьбы — и пляшут они свою «комаринскую».

У каждого в эту пору свои волнения и заботы: хлеборобам — страда, птицам — дальние перелеты, зверью — запастись к зиме, насекомым — хорониться в щели, цветам — вянуть, листьям — перекрашиваться и облетать. И хотя яркая осенняя мозаика блекнет и тускнеет в ненастье, однако даже в пасмурные дни художнику нелегко соперничать с живописцем-природой.

НАСТУПАЮТ куражливые дни осени: солнце зорюет по утрам в тумане, и долго держатся ночные росы, блестя в листочках водосбора. В низинах и ложках под серыми клубами тумана творилось какое-то колдовство. Лишь когда рассеялось, стало видно: одно деревце в ряду других пылало румяно-красными листьями — это первый

заморозок присватался к молоденькой рябинке. Осень идет к нам из-за Чердыни, Ныроба, зарождаясь исподволь на севере.

В Сухом логу поблескивает речка, отражая черный силуэт ельников и золотые россыпи берез. В незатененную излучину опустилась пара нырковых уток. Сморенные усталостью, они задремывали, клоня головки, но тут же, ободряясь, прислушивались. Однако селезня сморило, а уточка плавала, бодрствуя.

Наконец селезень встряхнулся, тогда его подруга, уткнув головку под крылышко, сделалась пригоршней серых перышек. Течение относило ее, а уточке, наверное, снилось, что она летит в близкие теплые края. Может быть, от этого она вздрогнула и очнулась — селезень словно обрадовался и стал нырять, шумно всплескивая воду: выныривал перед ней и снова исчезал...

Я пошел верхом, чтобы не спугнуть идилию. Останавливался и оглядывался: не появится ли пара нырковых в небе. Но они улетели, должно быть, низом, сторонясь охотников.

Кое-где одуванчики, накинув седые парички, пускали семена-пушинки. Летели семена и с других растений, пока не сбитые дождями. А из косматых облаков там и тут спускались кулисы дождевые и тихо, мягко, словно по-кошачьи, ступали на палую листву.

Птица малая порхнет в хвою и бочком-бочком подвинется к стволу — там не мочит. Но долго не сидит, собратья, кочующие стайками, выискивают корм в коре деревьев, в пазушках сучьев и хвоинок; склевывают, повиснув вниз головой, что-то роняют, тут же спархивают на землю, подбирают наспех и улетают дальше. Будто торопятся покинуть осенний лес, из боязни отстать от эшелона, идущего к югу. Птицы и в самом деле летят «эшелонами» — стаями, караванами.

Осенние листья еще держатся, пока не вовсе сразило их заморозками, но уже повсюду чувствуется покорное и тихое увядание. На остывшем лужке ютятся кое-где старушки-ромашки, белые тысячелистники, беззвучные колокольчики, розовые кашки, малиновые гвоздички, прозываемые часиками. Они «показывают» время, близящее зиму. На луговом васильке затих шмель. Не иначе как прилетел напоследок за

взятком, да так и захолодел. Я потрогал его мизинцем, шмель уперся лапкой в палец, хотел было оттолкнуть, но лишь вяло поскреб: «Не досажай, мол, видишь, сплоховал я».

В молодом сосняке возникла предо мной неожиданно-негаданно серенькая птичка с оранжевой грудкой. Она смотрела на меня крупными черно-смородинными глазами так нацеленно и пристально, что взгляд ее завораживал и запомнился.

«А-а, зарянка! — узнал я. — Ты почему не улетила со всеми вместе на юг?» Птичка упорхнула и вскоре появилась вновь. То порхала с ветки на ветку, то скакала по земле — словно манила куда-то, старалась увести в сторону, или...

Начался дождик, зарянка по-прежнему сопровождала меня. Ждала ли чего? Ее поведение так и осталось для меня загадкой. Нам ведь более привычны летние побудки зарянки на утренней зорьке.

Запоздало пламенели в траве ягоды костяники. Зарянка вытянулась на тоненьких ножках, вынула ягодку из оправы и, показалось мне, раскланялась. После чего унырнула в изморось, и больше я ее не видел. Потом лишь узнал, что зарянки позже других птиц покидают родной лес и на юг летят ночами, в одиночку — поистине смелые путешественницы!

Опавшей листвой, как будто мозаикой, разукрашен муравейник. Бежит паучок, и никто его не останавливает: хозяева закрывают ходы и выходы, оставляя кое-где продуха на время, а сами переходят зимовать на нижние этажи.

Невольно завернешь посмотреть: «Как живешь, муравейник?» По-разному... Зверькам или птицам до муравьев тоже есть дело: подкопались сбоку, понаделали ямочек сверху — это либо сойки, либо сороки хвойные ванны принимали, к зиме готовились. Ну ничего, опыт уже есть, надо ямки заделать, поправить муравейник. Набираю пригоршню опавшей хвои, буд-то ковшом экскаватора, — сколько бы надо было трудиться муравьям-строителям?! И подсыпаю, приговаривая: «Будь надежен, муравейник!»

Первыми из лета уходят липы, они стоят уже голые, меж черных ветвей и сучьев сквозит бледное небо, шумит ветер. Как обеднилась бы

природа, если б все деревья облетали враз! Долго еще пламенеют кусты бузины, добрый заморозок румянит и сластит ягоды рябины. А собирать-то их как хорошо: что ни гроздь — то и ягод горсть! Но здесь уж кто быстрее: мы соберем, или нахальные дрозды обобьют, налетят ли северные гости свиристели — пусть угощаются! Зима приструнит и птицу, и зверя, многих обречет на голодный промысел.

Тихо в лесу. Прокричит на лету пичуга, словно укажет путь к запоздалой сыроежке, будет преследовать, сердясь, белка: «Отдай — мой гриб!» Что верно, то верно: последний гриб трудно поделить на двоих — протягиваю зверьку. Сытая белка не принимает моего подарка, кидается к ближнему дереву и вмиг исчезает в густой кроне.

Чем ярче осенний наряд деревьев, тем легче спадают с них листья. Подхваченные ветром, они перетасовываются в воздухе, ложась на землю раскрашенным гляncем кверху или впереверт — бледной изнанкой. Поди рассмотри, какой стороной больше, — рябит и пестрит в глазах. Отжившие листья слабо крепятся черешками к ветвям, оттого падают даже в безветрие: то ли перетянет, перевесит дождевая капля, то ли скатится она с одного на другой лист и собьет его.

Лесные обитатели настораживаются, ловят шорохи, пугаются мельтешащих теней — куда бежать? Со всех сторон, кажется, ползет и крадется кто-то. Пасмурно, сыро — елки в такие дни выглядят черными, стоят, опустивши мокрые ветки-крылья, и ни взмахнуть, ни отряхнуться от нанизанных на иголочки капелек.

Одних осень пугает, других гонит в теплые края, кого-то грозит застать врасплох. Да вот уж «север тучи нагоняет». И всякая блошечка в согласии с природой готовится заблаговременно к холоду, у всего живого и неодушевленного есть свое календарное время, свои ориентиры: когда и куда лететь, залегать ли в спячку, зимовать ли безбедно, сменив летнюю шубку на теплый мех... Все-таки зима — не лето.

Синицы заранее прибились к жилью в надежде на доброе соседство с нами и на помощь в голодное зимнее время. Опустили грядки в огороде, лишь в дальнем углу ярко доцветал подсолнушек. Сердитая

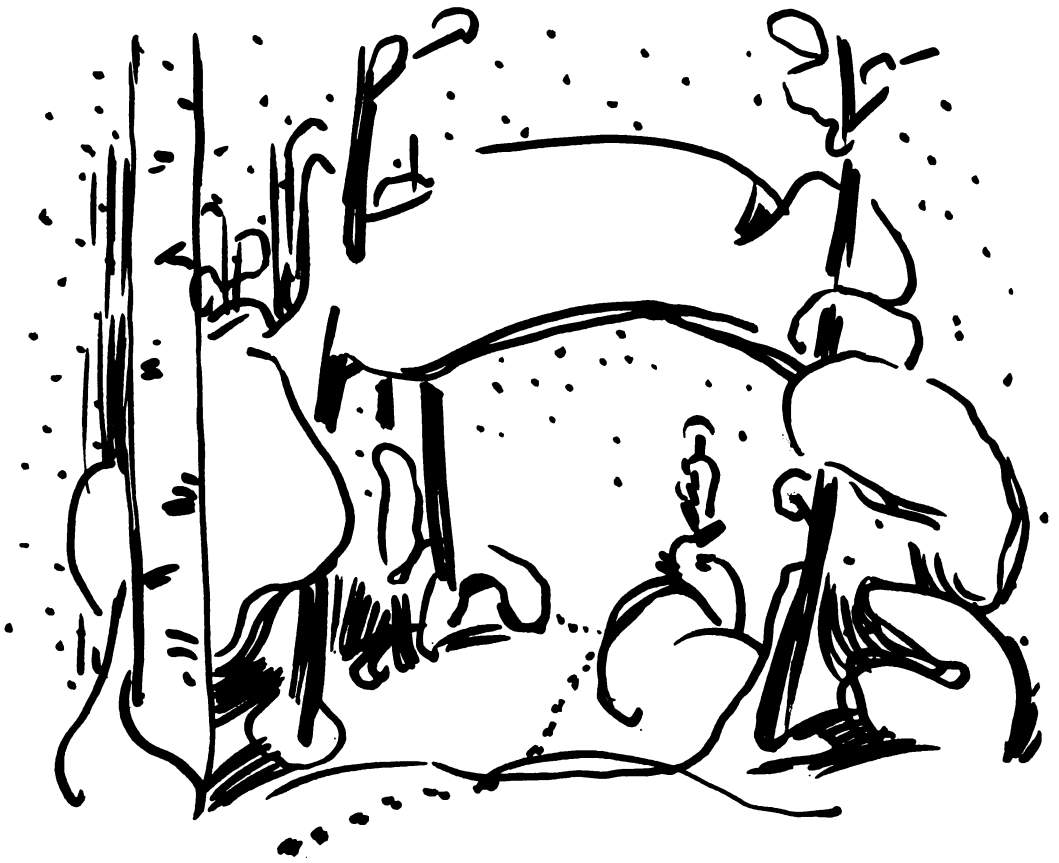
осень хлещет его дождем, ветром толкает взащей. Словно кто спрашивает: «Припоздал, брат?» — и он кивает, кланяясь на ветру. Подлетел воробей и тут же камушком на грядку — поживиться нечем.

Кочующие стаи грачей подались на юг. Вечерние зори сторают рано, утренние встают поздно, птицы встречают рассвет молча. Все, что пробудилось в них погожей осенью, они спели накоротке. Скворцы возле своих домиков творят прощальную осеннюю песню. Запоздалая семья городских ласточек наконец покидает свое гнездышко. Вокруг него вьется теперь шмель, может быть, присматривая теплую квартирку.

В сказку зимнего леса

НИЗКОЕ солнышко робко осветило землю, продержалось с полдня и закрылось белесыми облаками, плотно нагрудившимися с севера. На вершину голой липы прилетела сорока и, главенствуя над лесом, над логом, нацелилась вдаль. Так она посидела недолго. Крэкнула, будто сообщив что-то художнику, склонившемуся над этюдником, и полетела. А улетаю, как бы намеренно сронила блестку-снежинку. Та замелькала, закружила предвестницей зимы в помутневшем воздухе. За ней полетели еще и еще, затуманивая дальний и ближний лес.

Снежинки цеплялись за игольчатые ветки, терялись в поблекшей траве, и скоро от черно-белой пестроты сделалась неразбериха — где землю видно, где снегом выбелило.

Тихо и тоскливо стало в лесу: птицы улетели, бабочки попрятались, муравьи закрылись до весны, порхает лишь сорока-непоседа. Да и она не узнает заснеженную поляну.

Поскакала сорока по поляне, прошлась туда-сюда, оставляя крестики-следы, и взлетела на ель. А взлетая, отпечатала на свежей пороше длинный хвост. Посмотрела сверху: белая земля, белый лес, куда ни повернется — зима! И полетела к товаркам. Может, новость обсудить? А может, лето спасти? Нет же, зимнее прибежище искать!

Опустевший залив сделался глубоко-темным, в нем отражался замороженный первым снегом лес и полуоблетевшая береза. А одинокая лодочка под берегом казалась легким перышком от рябенькой птицы, спорхнувшей с ближних осин.

Ночью на дорогах сковало лужи: во льду плашмя и торчком, словно золотисто-желтые паруса, вмерзли березовые листочки. Затишная природа покорно задремывала.

Как только выпадет побольше снегу — хорошо встать на лыжи и пройтись, посмотреть на лес, повстречаться там с зимую-

Рыцарь

щими птицами, передразнить горластую ворону.* А выдастся мягкая погода, невольно выберешься за город с этюдником, одевшись потеплее: ведь иной раз часа три прстоишь, пока напишешь небольшой пейзажный этюд.

Зима исподволь богатела сугробами, чеканя куржевиной всякую сухую былинку, гирлянды репьев, зонтичные растения, наряжала деревья в лесу. Ели и пихты одевала в роскошные шубы, елочки-малюточки укутывала с головой, нахлобучивала на пеньки комья-шапки. Гибкие березки клонились под гнетом снега — там и тут были видны дуги и арки. Под иной свободно пройдет лось, пропахав глубокий след; под другой, низкой, — проскочит заяц; мышка везде пролезет — вон сколько разных отметин на снегу! Это лесная книга, она пишется зимой постоянно, и каждая ее строчка рассказывает о жизни в лесу. Неплохо научиться читать ее, как умеют следопыты.

В осиннике натропили зайцы, здесь они кормились в долгие зимние ночи, бегали и стучали лапами, чтобы согреться. А эта хитро сплетенная цепочка вдоль опушки — лисий след. У кумушки острое зрение, тонкое чутье и слух, она и под глубоким сугробом мышку учует.

Однажды я с восторгом наблюдал лисицу, уходившую от преследования. Она легко взбежала по отвесному сугробу из лога, остановилась, послушала, как собаки с визгом и стоном бросались на крутой склон и обваливались вместе со снегом. Почуввав безопасность, лиса уже спокойно подалась в спасительный лес, унося богатый хвост. Собаки изнемогли, так и не одолев склона, и заскулили с досады. А я весь день повторял про себя: «Ай да Патрикеевна! Ай да хитра!»

Сумерки в лесу — подобие маскарада. Стал я зарисовывать разные сказочные фигуры, для этого и нужно-то всего ничего: немного фантазии, блокнот да простой карандаш, как самый надежный, чтобы рисовать на холоде. Заснеженная елка — будто рыцарь в кольчуге и шлеме. С виду суров, а я к нему подступаю смело. «Постой, — говорю, — нарисую тебя!»

Стоит рыцарь, стоят деды морозы да снегурочки, а что делать: весна еще не настала — доспехи и шубы снимать рано.

Порисовал бы еще, да руки мерзнут. Подул на пальцы, оглядываясь, ба-а, рябиновые кисти, присыпанные снегом, как румяные барышни-боярышни в шапочках-боярках! «Здравствуйте!» — сказал я и потрогал ветки. Боярышни дружно закивали, но шапочек не уронили: холодно!

«Эх, хорошо!» — побежал я, отталкиваясь палками, чтобы согреться. Возле полыньи заметил серенькую птичку с белой грудкой и брюшком. Она разбежалась — бултых в полынью — и была такова! Только пар в воздухе клубится и стынет.

А птичка выскочила из полыньи. И опять в воду с головой — купальню устроила на морозе. И не купальня это вовсе — столовая! А забавная птичка — оляпка. Зимует она у промоин, у незамерзающих лесных ручьев и речушек. Нырнет в воду и, бегая по дну, находит личинок, жучков...

В дремотной тишине скрипнула осина, и потекли сверху снежные струйки. Этакое неспроста: в чащу пробирался ветер — началась метель. С деревьев повалились тяжелые снежные комья. Ели взмахнули лапами и, почудилось, заголосили: «Ах, батюшки, как мы раздетые зимова-а-ть бу-у-де-е-м!» Ветер буйствовал на опушке, срывал липовые семена, прикрепленные по два и три к листику-крылатке. Вот они и разлетались, крутясь пропеллером. Сотни «вертолетиков» кружились над полем, иные уносились в стылую даль, иные падали совсем близко. Пришла пора липам, березам, елям рассеивать семена, а ветер — в помощниках. Так из года в год лес наступает на поля.

Зимний лес вовсе и не спит, как нам кажется, а только дремлет.

Навстречу мне планировал сухой листочек. Я поймал его, гадая, откуда же он слетел. По крутому склону вплотную стояли хвойные, а еще выше, над заиндевевым зубчатым гребнем, вскинулась голой вершиной береза. Так вон откуда мне «письмецо»! Я вспомнил, какой царственно-золотой была осенью береза, пережившая летний зной, грозовые ливни, нудные ненастья, заморозки, и с первым снегом еще долго держала листву, отражая теплый свет.

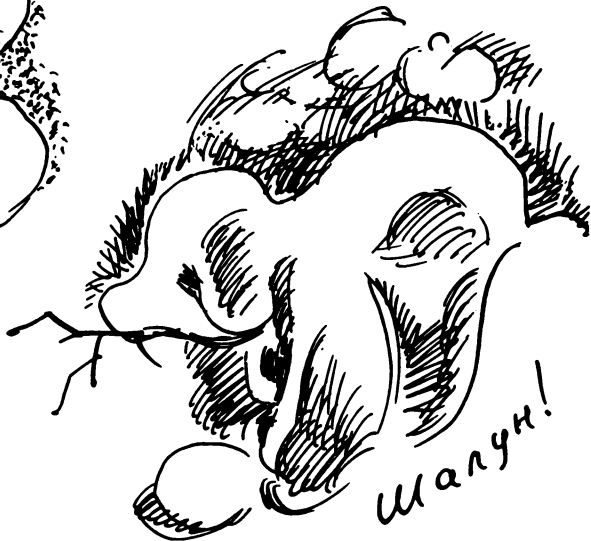
Спит зима

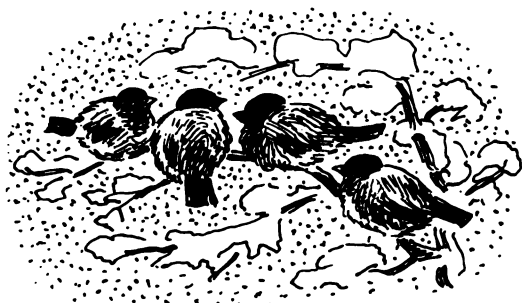
удивление

усталый

шалун!

Черези муют

Сколько уже десятков лет живет на гребне эта светолобная развесистая береза, сколько поколений листьев сменилось, умирая к зиме и возрождаясь весной! А прошлогодний листочек, единственный из собратьев, держался так долго — и был послан мне. Но испепеленный морозами листочек уж ничем не мог порадовать меня.

Над лесами за Колвой угасала багровая заря. В этот час дважды ухнул филин с Ветланского Камня.

«Фуу-бу, фуу-бу!» — разбойник запросил шубу, возвестив морозную ночь. Да ему ли коротать ночь в шубе: настает жаркое время охоты, и громкое «фуу-бу!» звучит уже как устрашение слабым и малым. Услышав его, наверное, вздрогнула мышка под снегом, присел в страхе заяц, готовясь после дневки кормиться.

Раным-рано в новогоднее утро пожаловала к окошку синичка. Ловкая, щеголеватая, с напудренными щечками, в желто-зеленом жилете и черной шапочке.

«Пинь», — порхнула синица на кормушку, оглядываясь по сторонам. И, осмелев, начала клевать. Из-под крыши слетел воробей. Синица брезгливо отпрянула: ты, мол, серый толстоклювый невежда. «Тьфу!» — пинькнула она и улетела.

Воробей заерестился по-хозяйски, будто прослышал молву, что короткий зимний день прибыл к новому году на воробьиный скок — и ему теперь благодарение. А солнышко с новогодней прибавкой все так же ходило низко над крышей. Да и сам воробей скачет под ногами бедным сиротой: не бросишь ли ему поклевать чего, а может, крошку или семечко какое выронишь.

А в светлый искрящийся день разве удержишь дома? Берешь этюдник — и на электричку, за город. И вот уже хвойные леса темно-синими

мысами выходят на перебеленные поля, то отлого ступают в овраги, то отодвигаются вдаль. Чусовское устье без единой промоины и ржавых наледей — белым-бело!

Сойдешь с электрички, постоишь недолго на свежем ветерке в тишине и пойдешь, едва угадывая занесенную снегом тропинку. Ступишь в сторону — и провалишься по пояс. Приутюженная снегами земля отдыхает. Пихты и ели кое-где пытаются сбрасывать зимние шубы, и время от времени сверху падают комья — будто лес забавляется снежками.

Дятел устроился на столбе, словно истый телеграфист, и выстукивает важное сообщение — тук-тук, тук-тук, — обрабатывая вставленную в щель еловую шишку. Одна крохотная летучка с коричневым зернышком упала, я поднял ее, размял на зубах и ощутил во рту смолистую горьковатость. Так вот чем живы дятлы, клесты, белки! Да не всегда бывает урожайный год на шишки, а спрос велик...

Расставил этюдник, — металлические ножки утонули в сугробе, — и начал писать: белый снег тишины... Намерзся, зато с каким радостным настроением пошел дальше! И, согреваясь, сшибал на ходу снежные комья с кустов, высвобождая ветви. Сороки, перебиваясь днем на ферме, слетались в Сухой лог. До чего же хороши эти птицы в черно-белом оперении на белом снегу!

По раскатанному сельскому тракту идут автомашины, встречаются тракторы с прицепами, груженными сеном. Одна машина притормозила, но я отмахнулся от оказии. Шофер удивился.

«Художнику семь верст — не околица, — весело пошутил я, — на машине до станции минут двадцать, а мне топать не менее часа — и все смотреть пейзажи!»

Конечно же, куда как уютно работать зимой в мастерской: всегда можно, попивая чаек, смотреть в широкое окно на кружевную поземку метелей, на прохожих, даже видеть самолет, с грохотом давящий на город мощью двигателей, и рой снежинок, и ворон, летящих из-за города в сады и парки.

Все-таки радости и пользы больше, когда общаешься с природой за городом зимой, летом, осенью — всегда!

Белогрудая птичка разбежалась
по льду и бултых в полыню.

Морозный пар клубится, а птичка
выскочила: «Дзи-дзит!» — «мороз морозит!»

И опять в полыню — корм добывать.

Олянке зима чинотем: в полынье
у нее не купальня — столовая.

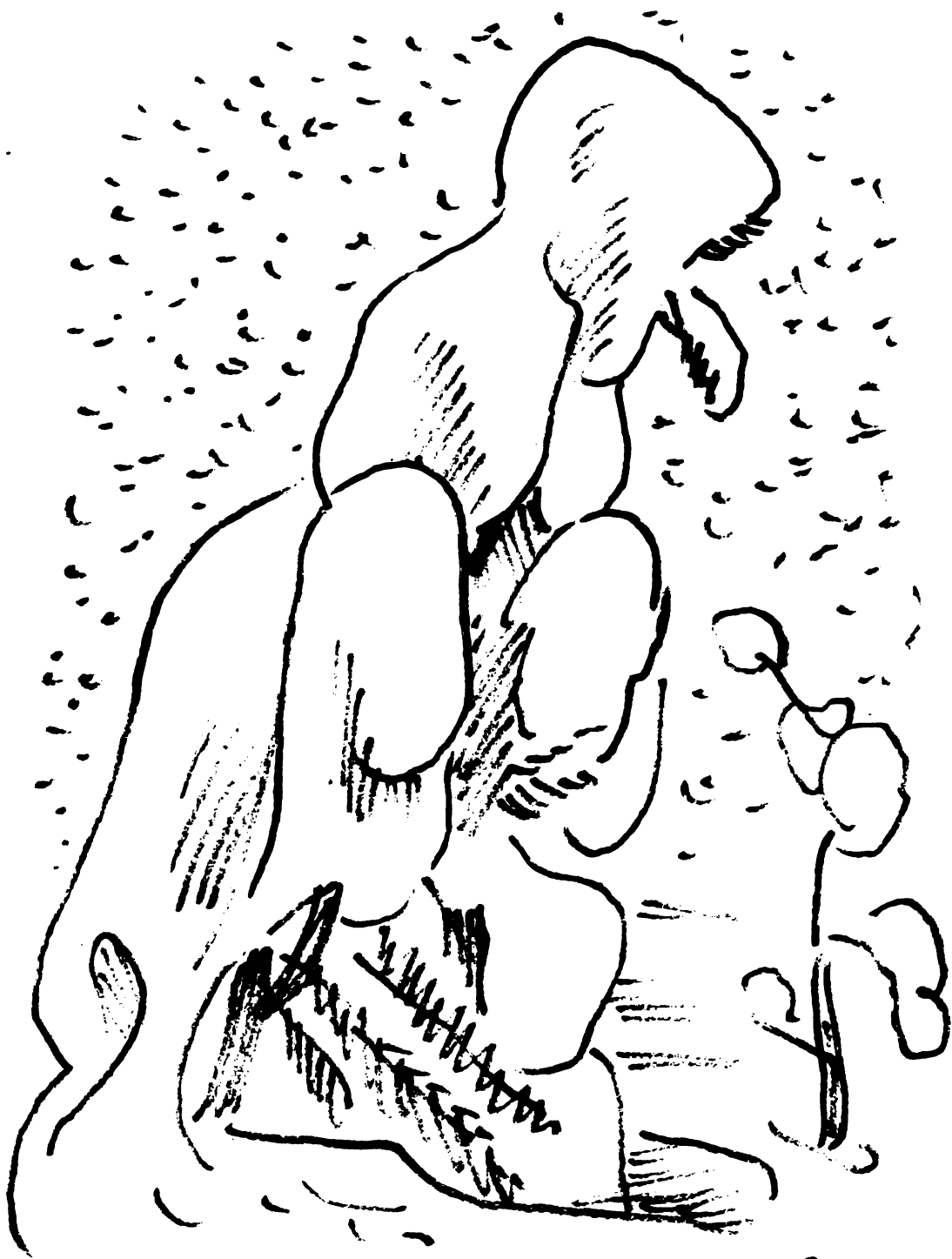

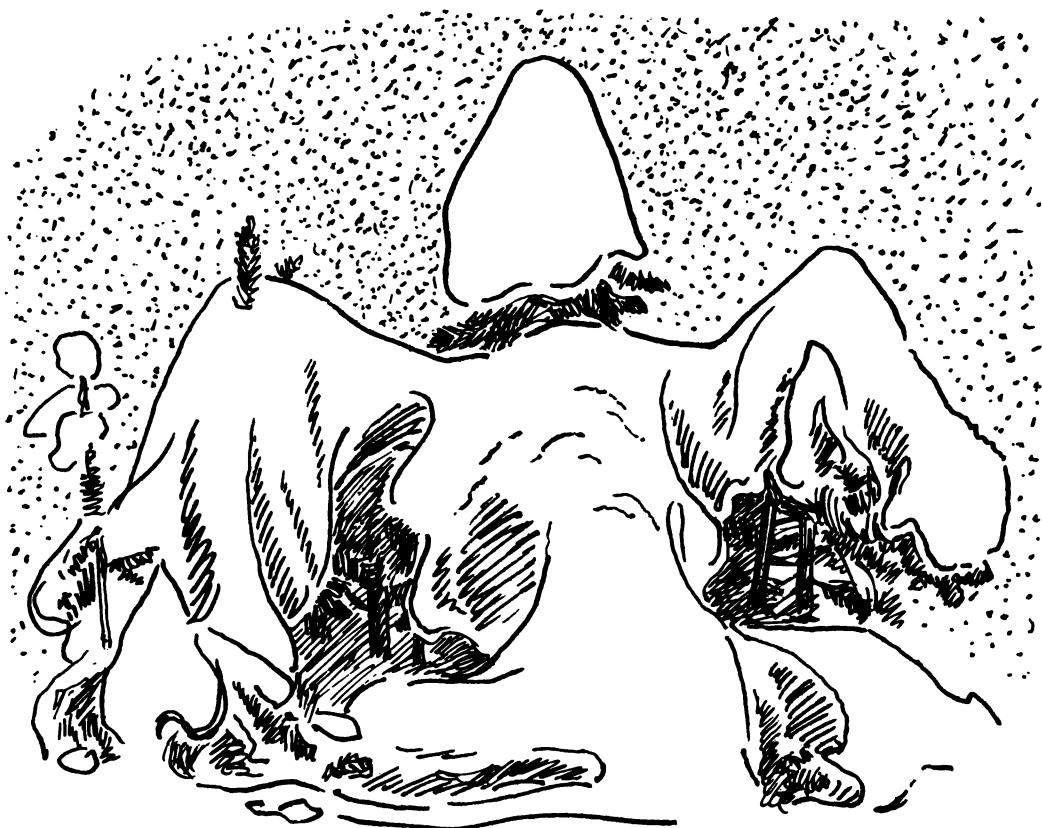
Снежный человек

Кащеевни

Бабуха-Зимуха

Хозяин

Уз замн

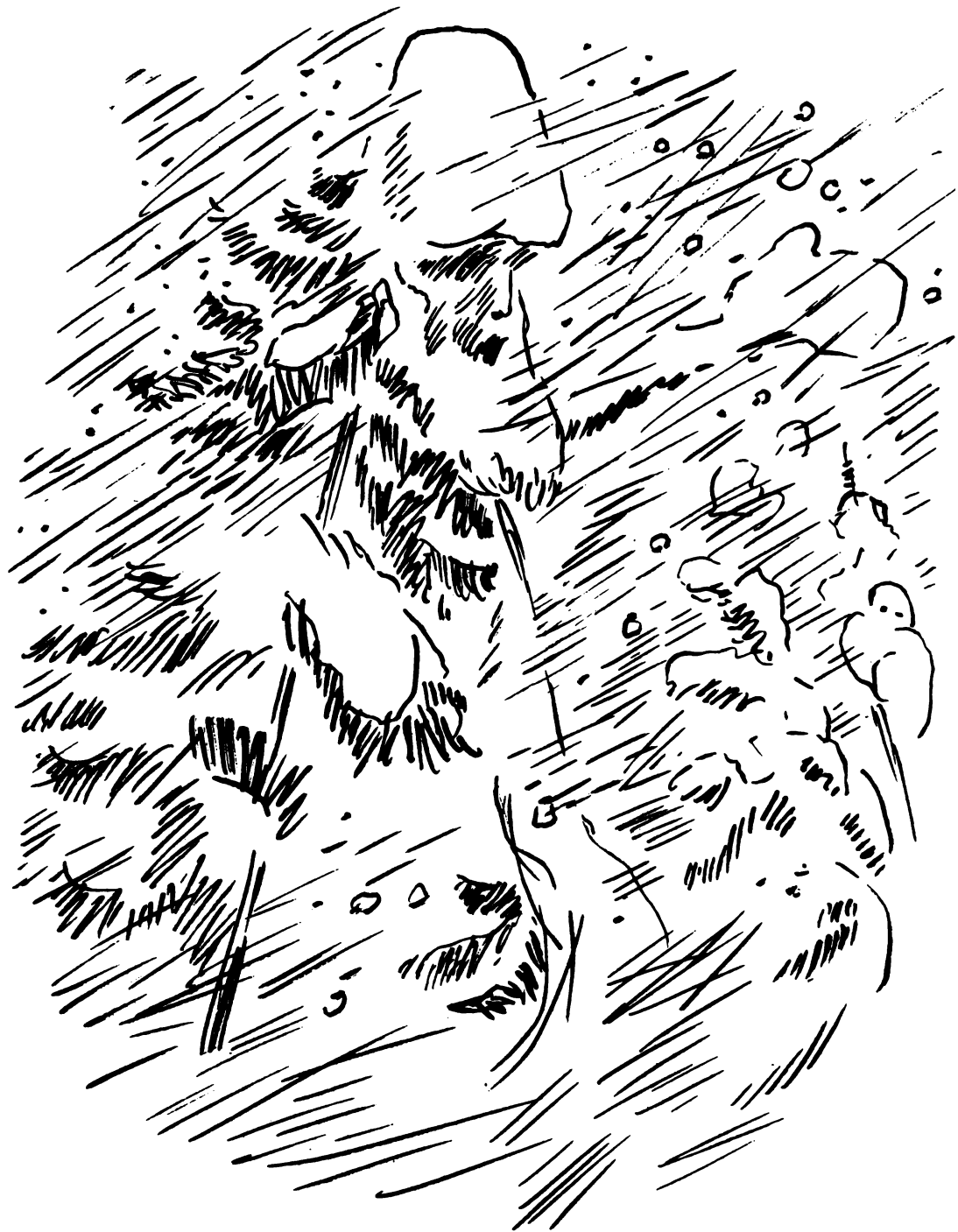

Шнопланетяне

Как слезть?

Уходящий Дед Мороз

Ветер качнул вершины — разыгрывалась метель. С обеих сторон просеки полетели комолки и колы. Будто это гирьки с бусинами начали перебрасываться снежками. А лесный раскатывая деревья, сваливая целые пласты снега с елей и пихт.

Колотые струи ветра завьюжились, перепеленывая просеку, и вздымались, запурживая лес, застилая видимость. В такой круговерти замерцал мне уходящий Фев Мороз, уступая права февральским метелям.

Исхугавший
Дег Мороз.

Дег Мороз
оставил шапку

СОЛНЫШКО завеснилось, и в лесу началась «перемаскировка». Укутанные снегом елочки-малютки выставили зеленые пальчики-ветки: тепло или холодно? А писаная и переписанная за зиму книга звериных отпечатков на снегу растопилась солнышком: мелкие следочки пропали вовсе, лисья цепочка слилась в одну линию, белчихи следы стали как заячьи, а заячьи сделались размером с рукавицу, словно это не зайцы печатали их, а зима уходила восвояси в стоптанных валенках.

Осыпавшиеся на снег иголки, обломанные веточки, упавшие кусочки коры и шишки, согретые теплыми лучами, впаялись в наст. Пеньки встречали весну, сдвинув комья-шапки набекрень.

Утрами еще морозило, но на вершине высокой ели ранняя пичужка славилась восход солнца: тоненькие нотки ее капельками падали в снег. Лишь только солнце обогреет, капельки-нотки сольются в ручьи и зазвонят песней весны.

Под елью вытаял муравейник, устроенный на южную сторону.

Я пошел взглянуть: что там?

Несколько муравьишек ползали на макушке. Они вышли осмотреться после зимы и были спросонья вялы. Заметив меня, муравьи ожились и забили тревогу. Их собратьев появлялось все больше и больше. Одни принимали угрожающую позу — становились на дыбки, другие сустились, натываясь друг на дружку. Я не уходил. Тогда муравьи пошли в атаку: смело выползали на снежное плато, перебираясь словно через торосы — кристаллики снега, иные топтались на месте, смешно поднимая лапки, или поворачивали обратно.

Я видел, что храбрецы мерзнут, и отступил, как побежденный. Муравьи потерянно остановились, напозая друг на дружку, и стали разворачиваться назад. Наверное, когда вернулись из ледового похода, то долго отогревались на теплой, чуть подсохшей крыше-макушке муравейника.

Над бором летела черная птица и в клюве несла ветку, хотя гнездиться было еще рано: лес полнился снегами. И что же это за птица? Большая, а не ворона, черная, а не грач. Должно быть, ворон. Редкий обитатель наших лесов, птица-санитар. Пара черных воронов начинает

строить гнездо задолго до прилета грачей, предвосхищая весну. Потому ворон с ношей — вестник: время за дело браться.

«Кро-кро!» — подтвердил он, деловито взмахивая крыльями.

Синицы, искавшие зимою прибежище возле жилья, с первой каплей устремляются в леса. Там целыми днями будет слышаться их звонкое: «Твись-тевя, твись-тевя!» — «С весной тебя!»

* * *

Загородный домик после зимы медленно набирал тепло: дрова вначале едва разгорались, глухо и чадно упрямясь растопке. Только с берестой весело заплясали языки пламени. К вечеру из-под пола полезли разные букашки, один паук всю ночь просидел на потолке. Хорошо перезимовали насекомыши, а много ли надо, чтобы замерзнуть такой вот капельке...

Вербы опушались. Одна тянулась к солнцу, словно пушистой кошачьей лапкой, через сугровище, который затворил ее с зимы на краю глубокого оврага. Ольховые кусты розовели, березы онемело полнились движением сока. Иногда было слышно, как из надломленной ветки капля гвоздила сухую прошлогоднюю листву. И какие только насекомые не спешили на сладкий пир — ползли и летели, а иные от жадности вязли и тонули в липкой сладости.

Березовка — наше любимое лакомство с детства. Только добывать сок надо бережливо: не ранить и не оставлять шрамов на стволах, иначе дерево, расплачиваясь за щедрость весны, потеряет много живительных сил. Соком можно полакомиться, всего-то просверлив шилом или буравчиком отверстие.

Я видел, как маленькая девочка, встав на колени, припала к березе и не то слушала брожение сока, не то сластилась им, напомнив мне олененочка возле матки. И улыбнулся: доброе отношение к природе согревает душу.

Нередко случается и обратное: на моих глазах погибла большая птица, которую я только что видел парящей в небе. Это было на Южном Урале весной. В лесостепные просторы залетел орел, его-то и снял из ружья некий Мишка. Пуля попала не в широкие крылья, не в тело, а в

Следы
браконьеров

голову с крючковатым клювом. Жизнь из орла ушла в лёте, он рухнул, точно планер, но сильные крылья его не переломались от удара, а распластались во всей красе, но уже более похожей не на гордого свободолюбивого орла, а на распятие...

Однажды я поймал кулика с перебитым крылом. Кулик изо всех сил отталкивался длинными лапками, а в угловато-костлявой грудке отчаянно колотилось сердце, жаждущее свободы. На песчаном берегу валялись отбитые дробью серые перышки. Ветер, нагонявший рябь, смывал их в воду.

Больно было смотреть в глаза раненой птице. И я пустил кулика на том же берегу, где поймал, надеясь, что он выживет.

Браконьерство равносильно преступлению. Я никогда не охотился. Бываю на природе с этюдником, альбомом — всем тем, что необходимо и годится художнику в работе. Сейчас большой выбор всяких материалов и сколько хочешь разных альбомов, блокнотов для рисования. Вспоминаю, как мало было всего этого в нашем довоенном детстве и как мы бережно расходовали свое «богатство», делились друг с другом.

Раненая елка
устремляет вершину
к солнцу — борется

Черемухи цвет

С первой каплей нет мне покоя ни дома, ни в мастерской — летел бы на крыльях за город, как бывало в детстве, с другом Ваней. Он погиб на войне совсем юным солдатом, однако до сих пор память о нем не дает мне проспать ни весеннее утро, ни осенний туман, ни морозную зимнюю зóрю. Оттого порой кажется мне, что пишем и рисуем мы с ним вместе. Ваня завещал, уходя на смертный бой: «Рисуй больше, не жалея ни сил, ни времени — рисуй за двоих».

Автопортрет Вани Чистова, нарисованный им в семнадцать лет, висит в моей комнате, и я постоянно мысленно общаюсь с другом.

* * *

Сочные зеленыя озимых, еще с осени напоминавшие май, теперь всю озвучиваются жаворонками. Отыскивая певца в просторном небе, слепящем глаза, ненароком отметишь под куполом белесую пряжу холодных облаков — воздух еще не прогрелся.

Да вот и он, жаворонок! Если хватит терпения пронаблюдать и выслушать его до конца, не потеряв из виду, то увидишь, как, поднявшись высоко-высоко, жаворонок без страха падает на землю, переливчатыми коленцами заканчивая песню.

Мой новый этюдник, высвеченный солнцем, был виден среди неодетой природы издалека, и летел к нему золотым метеором отоспавшийся шмель. Но обознавшись — приняв краски палитры за цветы, шмель раздосадованно кружил, отпугиваемый угарным запахом скипидара. Улетал и возвращался, а может, это кружили другие шмели, влекомые все тем же новым этюдником художника. Бабочка-крапивница садилась ко мне на куртку, согретую солнцем, крылышки ее и антенные усики заметно дрожали. Потом она толошилась над палитрой с разноцветными красками, и они для нее были такие же непонятные цветы, с горьковатым запахом. Легко порхая, бабочка все-таки сподобилась обмакнуть свои лапки в краску...

Наперебой распевали веселые куплеты зяблики, оседлавшие ветви деревьев на солнечной опушке; из глубины леса раздавалось: «Др-р-р!» и

Абмонтажирован
11.12.42
10/VI - 42.

17 ЛЕИ

снова «Др-р-р!» — брачная морзянка дятла, ударявшего клювом по сухой отщепине.

Лес на утренней зорьке цвинькал, дудел, чуфышкал, тенькал, гукал, каркал, фулюкал, ухал, стрекотал... Недоставало лишь загадочно-тоскливого «ку-ку!».

С болотца доносилось странное: «Бу-э-э, бу-э-э...» Туда же летела птица с каким-то тревожным криком: «Кувик-кувик-кувик!» Ожило все то, по весне, что живо всегда.

Коли у скворцов все решено с домиком и улажены отношения с воробьями, они принимаются весело пересказывать нам услышанное в южных странах или подслушанное уже у нас. Начинает скворец как бы не своим голосом, а вроде пробует свистульку, тут же переключается на трещотку, взгалкивает, игочет жеребеночком и, словно прополаскивая горлышко, вдруг закатится так, что уж и не в силах остановиться. Наконец взмахнет крылышками — и машет ими, не то дирижируя, не то помогая себе, пока не остановится. И сразу же летит на свежевспаханный огород или в луга.

Похолодание всегда в угоду разневестившимся черемухам. А этот придорожный куст уже растрепан и обломан без надобности и без меры — сколько еще перетерпят черемухи в цвету! Когда на кипенно-белые кусты приходит празднично-свадебный час в гудении и кружении пчел. А рябины набирают цвет неспешно, перевалив в лето, но цветения их уже не замечают.

Повсюду на деревьях и кустарниках набухшие почки. Они — как узелки, как нераскрытые загадки. Но от весны не спрячешься. Весна развяжет узелки, солнышко расправит, разгладит — и тогда из каждой почки, как разгадка, объявятся на свет листочки.

Собирались первые тучки, но уходили молча. Наконец-то в согретом воздухе разродилась гроза — не из густо-темной тучи, какие бывают знойным летом, а из розовато-синей, и молнии вспыхивали не так ярко, как летние, и громы раскатывались будто настуженным эхом. Это была первая весенняя гроза. С черемух метельно посыпались снежно-белые лепестки. Лишь в тени соснового бора, склонившись над тропинкой, доцветала

черемушка. Она не загораживала путь и не останавливала, я легко нырнул под нее, уронив на себя несколько лепестков...

И наткнулся на гнездышко, свитое корзиночкой из сухой травы: кто-то сбросил его с куста на землю. Подумать только: еще недавно это уютное гнездышко покачивалось на ветке, в нем могла бы поселиться дружная семья! Но оно валяется на боку и словно укоряет: «Не стыдно? Обидели малую птицу».

Природа расселила, разгнездила птиц на ветвях деревьев и в дуплах, по опушкам и в глухом лесу, в кустах и под кустами, на лугу и в поле, возле рек и на болоте... Гнезда открытые, почти не замаскированные, и, наоборот, хорошо укрытые, спрятанные. И все-таки птицы выдают свое место обитания непрестанными хлопотами и пением.

Одни — большинство пернатых — вьют гнезда, другие — это городские ласточки и ласточки-касатки — лепят из глины; третьи — это ласточки-береговушки — продавливают и выцарапывают норки в крутых берегах...

На вершинной ветке раскачивается птаха, грудка ее словно опалена зарей — огненно-красная. И поет она, будто настойчиво спрашивает: «Чечвицу видел?»

Ворон не
родня воронам

Невольно польстишь чечевице-похвалушке: «Видел, видел — красивая!»

Неутомимые в лесу работники — дятлы, мастера-плотники. Чаще встречается большой пестрый дятел с ярко-красным подхвостьем. Реже — дятел-желна, черный, в красной шапочке. В полете желна оповещает о себе пронзительным криком: «Приу! При-при-при!»

Все дятлы выводят потомство в надежном, толстостенном доме-дупле.

Птенцы в таком гнезде чувствуют себя в безопасности.

Дятлы работают постоянно: строят клювом-долотом дупла, истребляют вредных насекомых и личинок. Как-то они распознают их под корой и уж не промахнутся: обязательно добудут вредителей леса! И прослыли от этого лекарями.

Дятлы гнездятся сами в дуплах и «сдают квартиры» другим птицам-дуплогнезdnикам. Это скворцы, воробьи, синицы, горихвостки, мухоловки... Зимуют белки в дупле и устраивают запасы орешков, сушеных грибов. А дятлы каждую весну гнездятся в новом дупле.

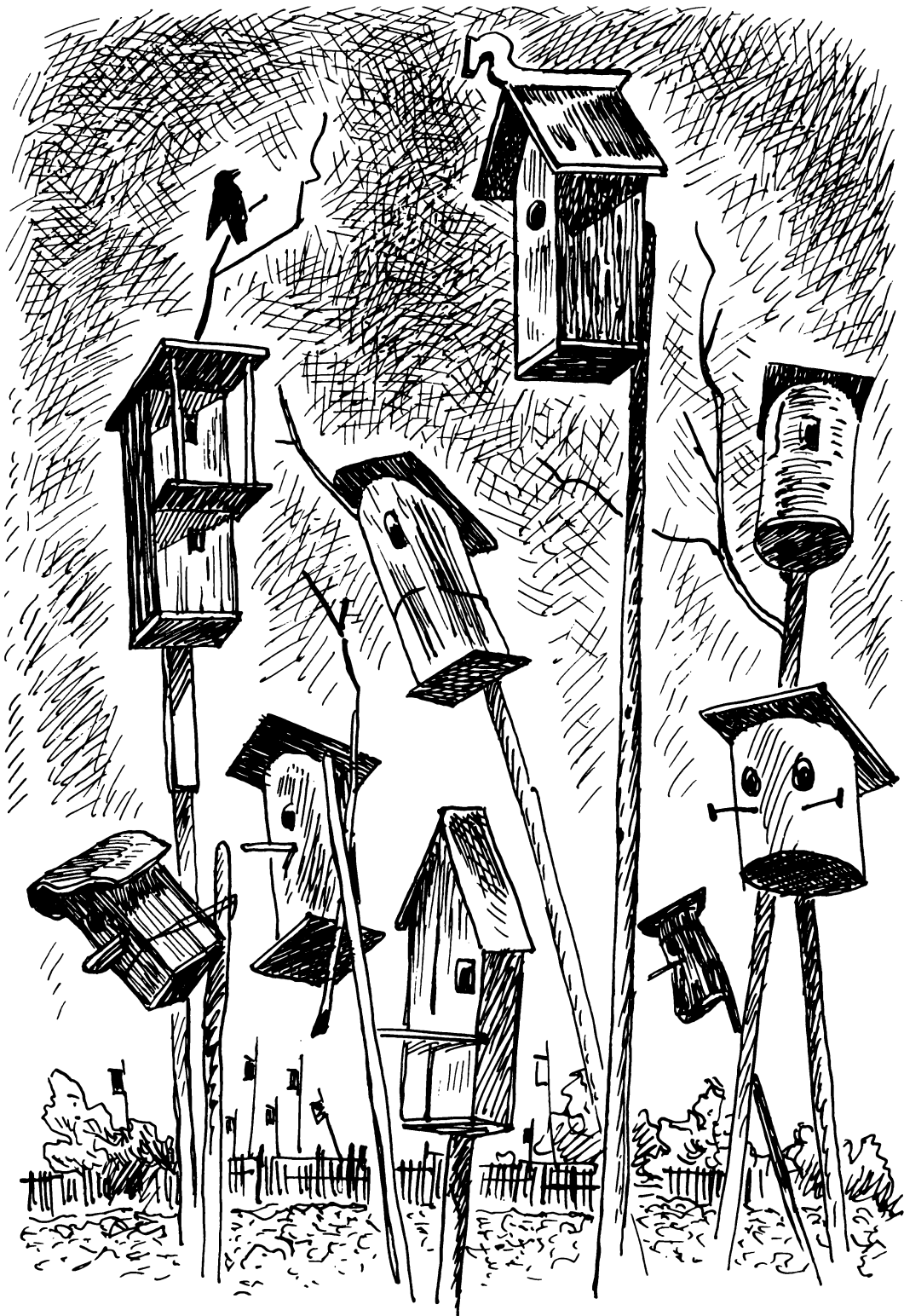
Еще один представитель дуплогнезdnиков — юркий короткохвостый поползень. Он лихо обследует деревья: юрк-юрк — вверх по стволу, юрк-юрк — обратно и вокруг ствола, а передвигается так, что будто бы ползает. Если отверстие в занятом дупле окажется велико, поползень подмазывает его глиной, чтобы пролезть могли только они сами.

Давным-давно человек стал наблюдать за птицами, гнездящимися в дуплах, и задумал приблизить их к своему жилью при помощи дуплянок, а затем и скворечен, которые совершенствовал и украшал по-разному.

Однако скворцы избегают скворечники с какими-либо излишествами и украшениями. Например, не нужны присадочные площадочки, крылечки у летка — входа в домик, чтобы воронам и сорокам не на что было садиться и разбойничать — разорять гнездо.

Загиря

Скворечник — это благоустроенный дом-гнездо. Сколько их самых разных! Новых и старых, серых и крашенных, с крышей козырьком или двускатной, поставленных на шестах или укрепленных на березах, в кустах рябин и черемух, висящих высоко или низко... Скворечник, кажется нам, хранит память о птице и всегда ждет весну!

Наблюдал однажды, как с весны мир не взял скворцов с воробьями, привыкшими к огороду и двору. Но в один из солнечных дней заморский гость учинил выселение воробьев из своего домика. Все их приданое из мочалок, шерстинок, перышек, пуха, припасенное в скворечнике, с ходу было выброшено и развеяно по ветру.

Постоял бы еще за себя воробей, подрался бы за домик, да воробья суматошно летала кругами и шибко кричала. И то, попробуй, подерись: клюв у воробья короткий и тупой, а у скворца, как шильце. Отступился воробей. И вместе с воробьихой, забывая обиду, тоже стал устраиваться где-то за наличником, в каменной стене, или под карнизом, как наши постоянные соседи.

Представьте, как недоставало бы нам в осеннее ненастье или в зимние

метели и стужу нахохлившихся и неунывающих воробьев. И кто же, как не воробьи, промочив горлышко в снежнице-водице, первыми возвещают наступление весны: «Чив-жив, чив-жив» — перезимовали!

Воробей-самчик подыскивает место для гнезда и чвирикает, долдонит целый день — зазывает воробьюху. Но та привередлива: если что не по нраву, тумачит. Воробей ерестится перед ней, а она с еще большим рвением нападает. Но потасовки мало-помалу утихают, наступает лад, и начинаются общие семейные заботы.

Черные шапки гнезд в березовых рощах даже зимой напоминают о весне. Пожалуй, нет более популярного пейзажа в творчестве русских художников, чем тема грачиной весны.

Грачи, прилетая с юга, вначале пасутся вместе, старые и молодые, в полях. Те, что неуклюже-важные и белоклювые, — старые грачи, а более стройные и черные — молодые. Они еще мало рылись в земле, добывая себе корм, и мелкие перышки не вытерлись на клюве возле глаз до белой кожи. Отдохнув день-другой, грачи шумно трудятся на гнездовье, оглашая округу несмолкаемым орканьем: грачи — стайные птицы.

А серые вороны спариваются и гнездятся обособленно, на высоких деревьях, ревностно охраняя свою территорию. Заметив кого-либо, они не то каркают, не то кричат: «Иде-е-т, иде-е-т!» Или затаиваются, будто гнездо нежилое. Однако черный клинышек хвоста выказывает птицу. Я пошумел, потоптался под березой. «Ворона, а ворона! — нарочно сказал громко. — Хвост у тебя видно!» Она еще больше вжалась в гнездо, считая, наверное, что стала невидимой, а нос-то — клюв свой — держала по ветру и следила за мной сквозь гнездовые прутья.

Видел как-то: летела ворона мимо кружащего коршуна, вроде ничего, разминулись. Да ворона повернула вдруг назад и давай приставать к большой птице! Та нехотя увертывалась, а задира не отставала. Испортила-таки охоту хищнику и, довольная, полетела над речкой, где ласточки-береговушки селятся колонией: берег буквально испещрен норками и в глубине каждой — теплое гнездышко, устланное сухой травой, пухом. Увидели ласточки разбойницу, дружно поднялись ей навстречу. При-

шлось вороне помахать крыльями, загребая воздух, — удирать поскорее. Даже перо из хвоста потеряла. Потом она долго и досадливо каркала в лесу за рекой. Поделом тебе, старая разбойница! Для кого ворона — задира, а для малых птиц — обидчица: птенцов ворует.

Сороки тоже из пакостливых. Гнездо свое устраивают низко, в подлесье или в кустах. Оно большое и с крышей — сверху набросаны прутья и ветки, оттого и кажется неаккуратным. Крыша не очень спасает от дождя, однако прикрывает от более крупных хищников. Чаша гнезда обмазана внутри, как бы оштукатурена, землей или глиной и выстлана мягкой подстилкой. Чего только нет здесь! Сухая трава, шерсть, растительный пух, вата, лоскутки, конфетные обертки, фольга... Сороки — большие любительницы блестящих предметов, крадут все, что плохо лежит.

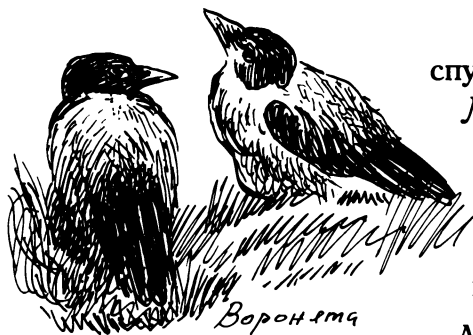
Весна и начало лета — это птичьи хлопоты: пернатые обзаводятся семьями. И при всем при том еще успевают петь.

О чем же поют в столь занятое время птицы? Иная птаха, спрятавшись где-то вблизи, не унимается: «Трюи-лели-люль», — целый день наговаривает. А песня у нее да и у всякой птицы в гнездовой период об одном: «Здесь занято, здесь мой дом!» Птицы общаются между собой по-разному: окликают, зазывают — предупреждают друг дружку об опасности, выражают испуг, тревогу. Но все-таки в основном птицы поют от избытка чувств: приветствуют весну, радуются лету, славят солнышко.

У большинства пернатых поют самчики, чтобы привлечь подругу, либо сообщить ей, когда она на гнезде, что опасности нет. Пение скворца означает покой близ гнезда, а его тревожный крик даже домашние и многие певчие птицы воспринимают как знак бедствия.

Однажды случилась тревога в старом саду. Бродячий серый кот подобрался к дереву со скворчиным гнездом. Прилетевший с кормом скворец заметил кота, бросился в отчаянии на него, закричал, чтобы прогнать, но не тут-то было: кот, не обращая на него внимания, полез вверх. Тогда, не приближаясь к дуплу, скворец стал бить тревогу. На переполох прилетели еще скворцы — тревога усилилась. На вершине липы заквахтал дрозд, как бы полюбопытствовал и улетел. Откуда-то вынырнул едва заметный серенький воробей и тоже забеспокоился.

и они вместе заталдыкали однообразное: «Чво-чво-чво». Опять прилетели дрозд, две крикливые галки — тревога разрасталась. И, наконец, ката изгнали. Скворец нырнул в дупло, долго успокаивал проголодавшихся

*Из гнезда
птенцы сле-
тел, а от ро-
дителей не
отстал еще.
И зовет, и
ждет их...*

птенцов, наделяя кормом. Потом показался с белой капсулой в клюве, которую, отлетев подальше, он выбросил. Так скворцы и большинство пернатых выносят помет, соблюдая чистоту в гнезде.

Потому, когда птичья семья покидает гнездо, мы на- ходим в нем сухую и мягкую подстилку: гигиена — одно

из правил мудрой Матушки Природы.

Из детства запомнился мне маня- щий с виду уют птичьего домика.

Как-то мы попали с друзьями в ночную грозу и едва успели укрыться под стеной сельского склада. С крыши низ- вергались дождевые струи, частые мол- нии и гром с оглушающим треском раз-

рывали непроглядную тьму. Над нами хлопал оторвавшийся лист железа, и все яростнее припускал ливень.

Молниями высвечивало чуть ли не посредине черного неба скво- речник. Я представлял, как, должно быть, в нем было сухо и тепло. А мы, продрогшие, сохраняя под рубашками альбомы для рисования, жались друг к другу.

Не раз случалось укрываться от дождика в лесу, тогда поневоле шел

на поклон к елке. Под ее вислыми лапами однажды укрылся со мною зяблик. Где-то рядом находилось его гнездышко. Мы сидели близко, только зяблик был будто на пружинках, готовый чуть что упорхнуть, но дождик не выпускал его. Едва стихло, мой пернатый сосед исчез, а я стал выбираться из-под елки, задел одну еловую лапу, другую — и посыпались на меня крупные сверкающие капли. Хорошо, когда летний дождик, а не осенний.

Тучи уходили стороной — большая как бы зазывала меньшую, сердито погромыхая. Наконец обе тучи слились и затихли, осененные радугой. Она упиралась одним концом в берег Чусовского устья, другим полого и так же ярко доставала Камское водохранилище с белым лебедем — теплоходом, блестевшим в лучах солнца.

Над грачельником во встречных потоках ветра недвижно висели черные птицы, они хрипло оркали вместе с галдевшими птенцами в качающихся гнездах.

А властелины воздуха — стрижи — летели вслед за уходящей тучей, еще ронявшей капли дождя, и радостно купались в них.

Жизнь на крыльях! Весь летний день стрижи в полете, кроме утяжеленного зноем полдня, а затем опять кружение в небе до истлевающей сумеречной зари. Промышляют стрижи в воздухе, питаюсь воздушным планктоном.

Едва ли можно рассмотреть эту стремительную птицу вблизи. И вот однажды — нет, я не заманивал его — стриж влетел в мастерскую, развернулся, точно планер, ни разу не взмахнув крыльями, и вместо распахнутого окошка попал в занавес. Я поспешил поймать его из боязни, чтобы он не разбился о стекло. Сжатый в руке, как спеленатый, стриж раскрыл широкий клюв и не отбивался коротенькими, словно недоразвитыми, лапками. А небольшие, похожие на черные зернышки глаза стрижа были устремлены мимо меня в законную синь — и я с той же поспешностью, как ловил, выпустил его! Стриж с веселым писком взыграл из окна вверх и затерялся среди сородичей.

В затяжное ненастье стрижи куда-то деваются; исчезновение их загадочно. Если переживают в гнездах, то как и чем кормятся и кормят

птенцов? Орнитологи выяснили, что стрижи-родители отлетают на время в зону благоприятной погоды за десятки километров, а птенцы впадают в оцепенение. Все мудро и совершенно устроено в природе.

Перед дождем все птицы заблаговременно прячутся. Разве только гуси будут невозмутимо щипать траву, время от времени прислушиваясь, подняв голову, как хлестко барабанит, окатывая спину, дождик. Потом, вытянув шеи друг перед другом, они загогочат — какое удовольствие хороший ливень!

Лишь установится погода, и в небе опять веселая птичья карусель.

* * *

Над деревенской калиткой, на невысоком шесте, пристроен выветривший старый скворечник. По его виду ясно, что он давно перешел в собственность воробьям. И каждый раз, когда открывается калитка, из скворечника высовывается воробей: птицы присматриваются к людям — и остаются в домике или отлетают на черемуху.

Я же прохожу в калитку с озорством — стучу пальцами по шесту. Воробьи уже привыкли, выглянут и тихо так: «Чви» — дескать, здесь.

Поднимешь глаза: выглядывает серенькая воробьяха. А если коричневая грудка — это сам воробей. Он более стремительный и чвирикает так, словно громко спрашивает: «Кто там?»

«Свои, свои», — мысленно отвечаю я, закрывая калитку.

Но однажды ни воробей, ни воробьяха не встретили меня. Я побарабанил по шесту и услышал в домике слабое чвиканье — появилось потомство! Пернатым хозяевам прибавилось хлопот, и они весь день были заняты поиском корма. То и дело сновали по грядкам, не сторонясь и не пугаясь огородного чучела. Раскинув руки-рукава, оно трепыхалось на ветру, да птицы привыкли к плоскому, бестелесному сторожу, иногда даже запанибрата садились на плечо к нему.

В шумливой листве, мятущейся на ветру, я разглядел молодого грачонка. Он выбрался из гнезда и тоже собрался лететь. Но не вверх, а вниз. Заглядывал под свое черное брюшко и топтался на ветке: боялся.

Да коли вылез из гнезда, переступил порог — надо лететь. И-и, была не была, сорвался с насиженного места.

По-о-ле-те-е-л!

А куцехвостый птенец дрозда раскачивался на тоненькой рябиновой ветке и казался вовсе беспомощным. У него на клюве сверкала капелька, и он, бестолковый, даже не в силах был стряхнуть ее, вертел головкой, прислушивался, но пока не понимал, кто друг, кто враг. А птичьего гаму в лесу-у-у!.. Однако птенец различал призывный крик из чащи и нацелился лететь туда: зов родителей придавал ему силы.

Таких птенцов называют слетышами: из гнезда слетел, а от родителей не отстал еще. Не вздумайте ловить несмысленшей, не считайте их потерянными или сиротами — это пора их детства, и не надо нам вмешиваться. Птицы-родители осторожны и всегда начеку, если объявится в небе хищник, последует команда: «Сидеть, ни гугу!»

У разбойника, кружащего в небе, размах крыльев большой, клюв крючком, когти острые, глазищи зоркие. Да затаившихся птиц не просто обнаружить: сколько ни кружит хищник, улетит ни с чем. В саду опять шум и галдеж. В кустах воробыха с выводком деток. Крылышки у них дрожат, сноровки мало, а воробыха отлетит подальше и переманивает их к себе. Так она облетывала — ставила на крыло птенцов. Они смешно и неуклюже перелетали за ней. Один крикливый не сразу насмеливался, а, перелетая, садился на маму воробыху. Она сбрасывала его и отлетала снова, зазывая выводок. И тот же несмышлениш, когда я приблизился к воробьям, спорхнул с места первым.

За речкой паслись воронята. Оттуда весь день доносилось ненасытное «Дай!». Рослые птенцы встречали ворону с разинутыми клювами и, жадно давясь, проглатывали поживу и опять просили до изнеможения: «Дай, дай, да-а-й!». Ворона выбивалась из сил.

Дни стояли жаркие, и однажды я застал мамашу ворону купающейся. Она с бережка заходила в воду раскрылившись и приседала, окунаясь по грудь. словно бы подсмотрела где-то, как заходят в реку и купаются люди, не умеющие плавать.

Молодые трясогузки бегали за взрослыми, вскрикивая: «Цейть-тюри, цейть-тюри!» — «За мной, смотри!», — ловили мух, мошек, комаришек...

Деревенские тополя не четвертованы по-городскому. Они ярусами вздымаются к небу, а листья на всех этажах колышутся и шумят. Птицы с лету бросаются в шумливо кипящую и дрожащую от ветра листву, да сколько бы ни старались подать свой голос, его из-за шума листвы не слышно. Под тополями репы, их семена-колючки еще не окрепли и не цепляются. В соседстве с репьями жалающая крапива — пастбище гусениц бабочек-крапивниц. А мы как-то и не задумываемся, отчего эти нарядные бабочки называются именно крапивницами. У других бабочек, видимо, свои плантации...

ЦВЕТЫ на некошеном лугу так и стараются перекрывать друг дружку. Не голосом, конечно, — красками. Каждый цветок зовет: «Летите ко мне!»

Пчелы, шмели, бабочки спешат на луга и без усталости работают. Однако дань берут экономно. Вот и нам бы так же собирать цветы, с оглядкой, а не набирать охапками, не рвать без меры, чтобы не в ущерб и не разорительно было природе.

На узеньком листочке в траве — жук. Ветер колышет травы, а жук уцепился, словно оседлал листок, и, крепко держась, блаженствует, обдуваемый прохладным ветерком. Рассматривая его, я подул легонько — жук свалился, учуяв живое дыхание. А муха-журчалка замерла передо мной прямо в воздухе, крылышки на скоростях, как будто летит — а ни с места. И я оставаюсь перед ней недвижно, так и рассматриваем, изучаем друг друга. Пока я неожиданно не вздрагиваю, отмахиваясь от жука-усача, летящего прямо на меня с железистым звоном. И опять замираю, когда красивейшая бабочка-махаон ловчится, чтобы сесть мне на руку...

Мелочиска природы

Многое зарисовано мной в альбоме: паук, шмель, кузнечик, стрекоза и опять паук, повисший на паутинке, — все это я называю мелочишкой природы.

По тоненькому стебельку бежит пестрая божья коровка. Выше, выше — уже все цветы внизу, а она все взбирается вверх. Взбежала на метличку: простор какой! Спинка у нее как будто треснула — расправила она крылышки и полетела. Если поднимется высоко и улетит вдаль — то, примечают, к хорошей погоде.

Посадишь эту неказистую блошечку-коровку на ладонь, она утянет лапки, спрячет головку под оранжевым панцирьком и замрет. Тут уж кто кого перетерпит: она, как неживая, и я не двигаюсь, жду, когда проявит себя — выпустит лапки-бегунки и побежит на кончик пальца, чтобы стартовать.

Над полем гудят шмели, со всего лету садятся они на розовые кашки — клеверка, отяжеляя стебли. Иной шмель, перевесив стебелек, стучается о землю. И, карабкаясь обратно, раздраженно и сердито басит. Да и всяк сердился бы, коли работа не ладится.

Сморенный зноем воздух недвижим, а созревшие и поникшие былинки, метлички, колоски ждут ветра, готовые отряхнуть пыльцу. Насекомые не успевают разносить ее. Наконец очнулся ветер, накатил на поле, цветы и травы колыхались вразнобой — суетно и часто. Лишь желтые пижмы качнутся едва — даже бабочку не стряхнут — и опять стоят неколебимо. Прижатые ветром насекомые не смеют оторваться от цветочных венчиков, а белые бабочки, сложив крылышки, словно плывут, ныряя в зеленых волнах луга, как легкие парусники.

Чередой проходят цветы от весенних подснежников, мать-и-мачех, в мае расцветает с двумя листочками на стебле майник двулистный. Как просто! А там пойдут семилистны́е и семилепестковые седмичники, есть и тысячелистники, и всякие другие. У каждого свой фасон. А полевой горошек (мышиньй) приспособился по-своему: цепляется усиками за стебли соседних растений... Куда ни кинешь взор — всюду богатство и разнообразье: зеленое, синее, желтое, белое, розовое, красное... Лето красное!

По тропинкам и дорожкам — подорожники, их прямые цветоносы — «солдатики» — упруги и стойки. Округлые листья расстилаются по земле, да сколько бы мы ни топтали их, бродя по тропинкам, подорожники живут!

Дни длинные. Сумерки незаметно переходят в светлую ночь. На закате солнышка цветы закрывают лепестки-ресницы и засыпают. И вдруг... разбегаются по лугу белые цветы! Это спутница летних ночей дрема луговая.

Чтобы повстречаться с дремой, когда она только-только «приходит» на луг, не дремли в сумерках, смотри в оба. Ночь не просто раскинет кружевную скатерть на лугу, а еще и мед разольет. Ароматным запахом дрема привлекает ночных бабочек, а белыми лепестками указывает им дорогу к себе: «Спешите, пока я бодрствую в ночи и сладости раздаю».

Природа неусыпна в круговороте дня и ночи — работает в две смены.

Из тихих лугов доносится скрип коростеля, неутомимого бегуна. Его будет слышно до утра, оттого и кажется, что летняя ночь проезжает по убаюканной земле на скрипучей телеге. А от комарья спасайся, как можешь. Ни грибникам, ни ягодникам, ни рыбакам, ни художнику нет покоя от свирепого гнуса. И все-таки общение с природой — счастье.

* * *

Уехал однажды я далеко за город, долго шел лесом, шел полем. Передо мной все больше открывались необозримые дали, где разбросанно ютились в пазушках земных селения. И легко дышалось под высоким небом после мастерской, пропахшей красками и заставленной холстами.

Лишь натужный гул самолета, оставлявший в неоглядной сини белострельный след, напомнил городскую толчею, людную электричку, заглушая звуки природы... Потом стрекотание кузнечика, шумная возня птиц, звон мошкары, басовитое гудение шмеля мало-помалу стали снова озвучиваться. Природа придвигается, обступает, теснит — и в этой тесноте чувствуешь себя свободно. Однако невольно теряешься и идешь искать из

лучшего лучший вид. То сбежишь к речке, запавшей в диких зарослях ив и ольхи, сторожко склонившихся к воде. То остановишься посреди поля.

Глядишь в небо, на лес вдали, мысленно перенося избранный уголок или вид пейзажа на холстик. Одновременно стараешься представить, что и как должно получиться, косишь глазом на палитру и набираешь кисточек, готовый работать. Соответственно, готовый писать в том случае, когда увидел что-то свое и, работая, дорожишь первым впечатлением — это для художника важно.

Над полем плывут облака, сверкая округло-серебристыми боками. Раскинувшая ветви сосна, казалось, вот-вот двинется с ними — но ни с места. Маяком стоит одинокое дерево, видимое издалека.

Давно когда-то занесло сюда семечко — проклюнулся росток диким беззащитным, и вот, поди ж ты, вымахала соснища! Семена могли склевать птицы, унести муравьи, могло смыть дождями и сплавить ручьями... Да, видимо, в благодатную почву попало то крохотное семечко.

В бору картина другая: бронзовые стволы и в пасмурную погоду излучают солнце. Лесной голубь-горлица воркует под куполом соснового храма. В его органное воркование вплетаются звонкими струнами трели малых певчих, населивших укромные этажи леса.

Природа полнилась движением, полетом, ветряным колыханием, ливневыми набегами, россыпями щедрого сеятеля семян — одуванчика, луга заполонили золотистые купальницы, в лесу укрылись медуницы... И над всем, что есть и свершалось на земле, плыли теплые облака, картинно отражаясь в полноводье рек, озер, речушек и озерков.

Большая вода — как море. В нее смотрят скалы, лес, домики... Красиво! Отражение — как явь, птицы даже путают. То взмывают вверх, то бросаются вниз, к воде, но, увидев свое отражение, снова устремляются ввысь — в бездонную синь околоземного космоса.

В детстве мне хотелось чуда: достать луну, потрогать радугу, дойти до края земли, а горизонт все отодвигался и зазывал, увлекая в дальние дали!.. И теперь я бегу в лес, в поле, на луг, к речке, ведь земля — настоящее царство чудес. Но открываются они только тому, кто умеет

смотреть и видеть красоты, как художник: в большом — малое, в малом — большое, изображая пейзажи.

Остановитесь, полюбуйтесь на то, что вокруг, оглядите, что вверху, пригнитесь и посмотрите, что внизу, в тиши посидите и послушайте. Скрытые выдают себя звуками, безголосые бывают пестры и нарядны... Каждый из нас по-своему видит и воспринимает краски цветущего луга, игру солнечных бликов и перемежающиеся тени в лесу...

Художнику интересно все!

Без красок, карандаша и блокнота я не мыслю встречи с природой.

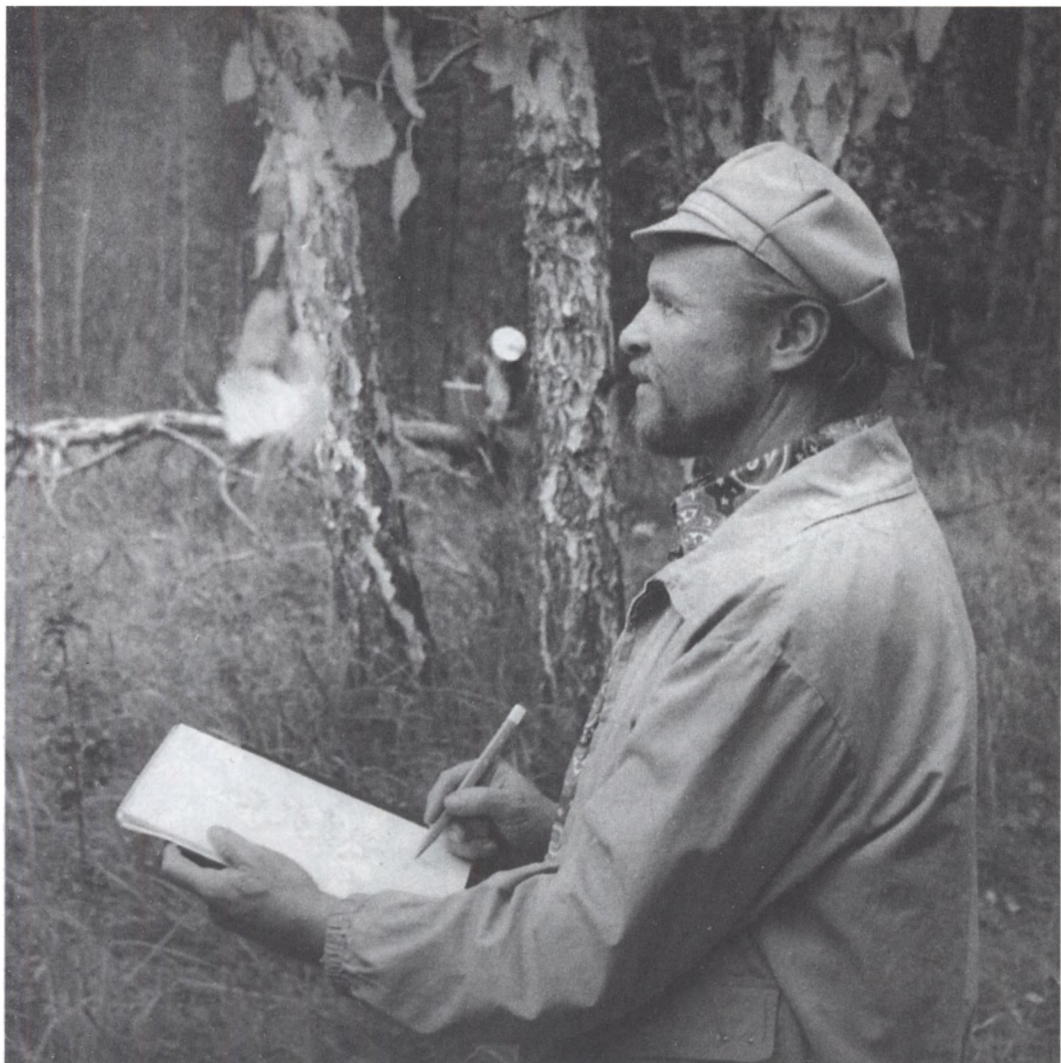

Художнику
интересно
все!

*Рисуем:
карандашом,
тушью-пером,
тушью-кистью,
шариковой ручкой,
фломастером,
акварелью...*

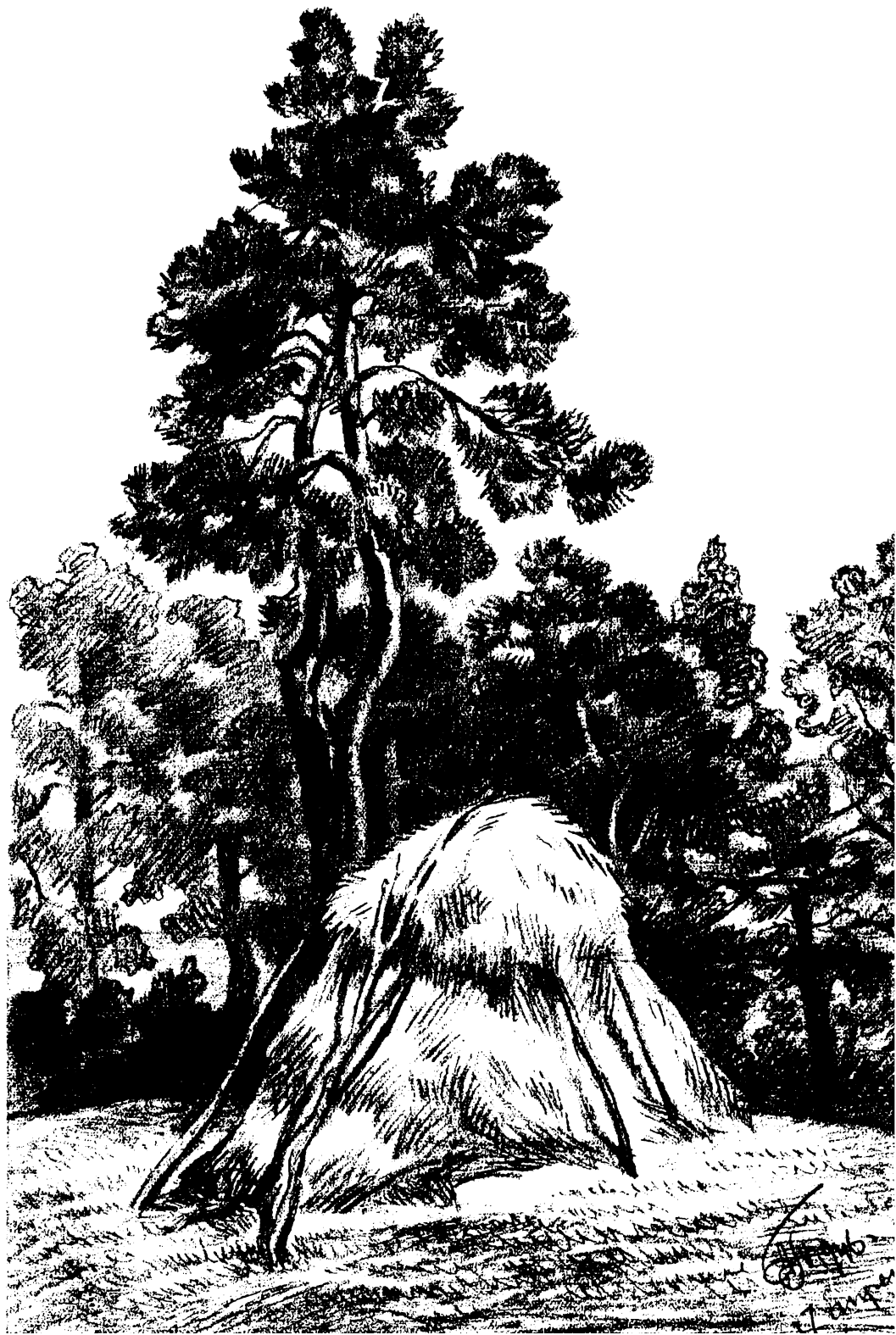
*На бумаге:
белой, серой,
тонированной,
оберточной,
желтой,
в альбоме,
блокноте...*

*Автор **А. Н. Тумбасов** рисует на природе.*

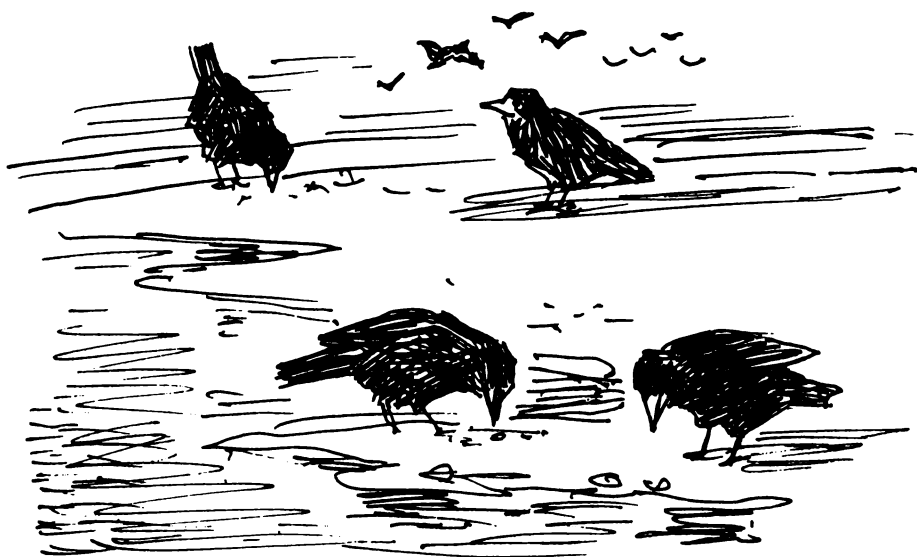

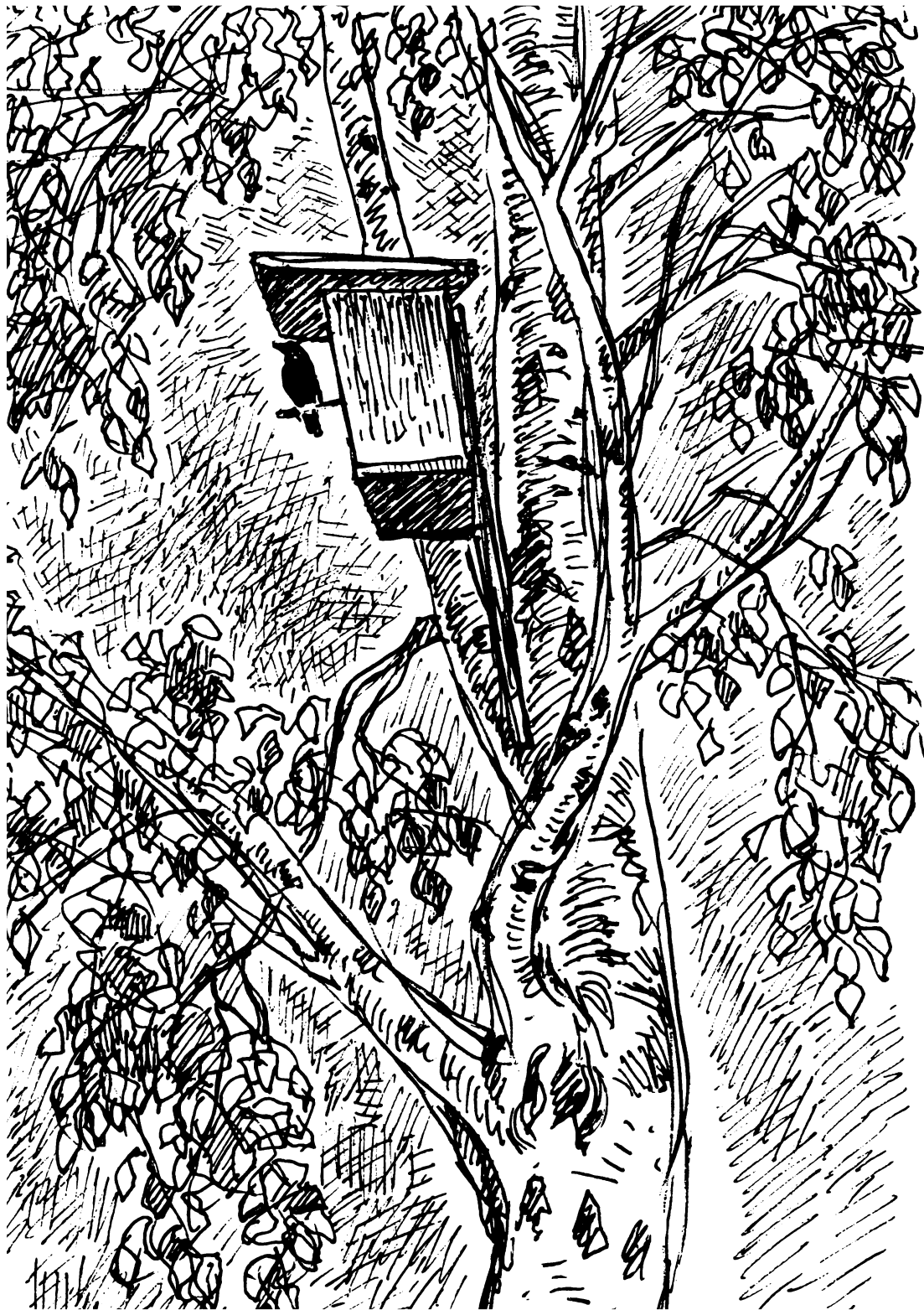

Портреты старого и молодого грача

Грачи

Весело, молодо,
бодро шумит дождь:

„По лугам прольюсь,
по лесам пройдуся,
пашни напитаю!“

Земля вздохнула,
утоля жажду, стала
травы поднимать,
хлеба в колос гнать —
зерна наливать...

Сговорилось небо
с землей на добрый
урожай!

Разворошенный кем-то муравейник
я стараюсь поправить, чтобы не про-
могло. Спасено жилье!

Пут же ветер хлопнул мне на грудь
золотой осенний лист в награду.

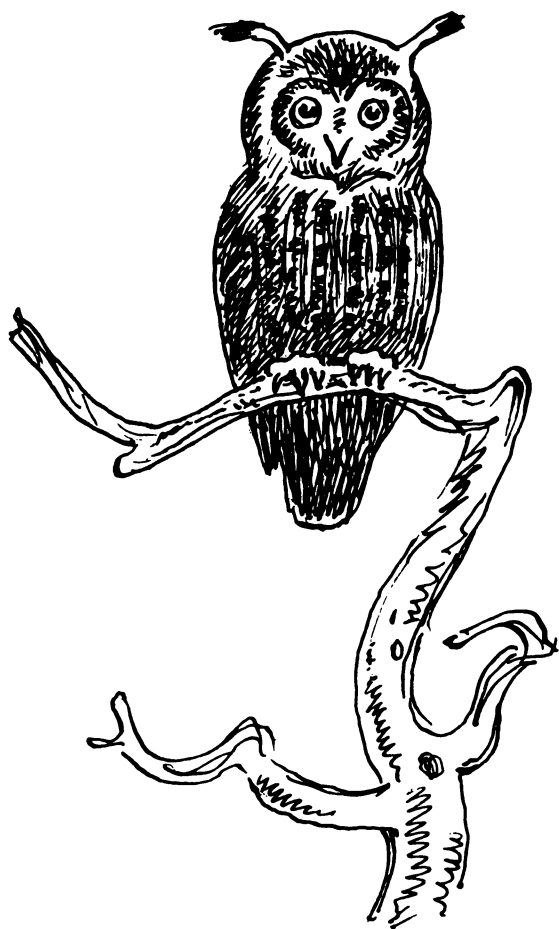

Ожигание

Рассказал и нарисовал

Анатолий Тумбасов

ЛР № 070868 от 03.03.98 г.
Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».

Сдано в набор 01.09.99. Подписано в печать 14.10.99. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага ВХИ.
Гарнитура «Академия». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,19. Тираж 1900 экз. Заказ № 3305.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Анатолий Николаевич Тумбасов.

Заслуженный художник России, живописец, график, журналист.
Родился 21 марта 1925 года в селе Кочкарь Челябинской области.
Окончил Свердловское художественное училище в 1951 году.

Участник Великой Отечественной войны.

«Природа глазами художника,— так определил тему своей книги А. Тумбасов.— Пишу этюды или рисую — смотрю и слушаю природу». Он автор нескольких книг для детей и взрослых. В Перми изданы: «Эхо Камня Говорливого», «Дрема луговая», «В разливах рек — моря», «Шмель на этюднике», «Капельки»; в Челябинске: «Памяти друга»; в Москве, в издательствах «Малыш» и «Детская литература»: «Смелый гриб», «Телеграмма», «Гнездышко», «Ни гу-гу». Печатался в различных сборниках, журналах, газетах и прочих изданиях.